

M $\frac{24}{318}$

А. Шлиной
Свидерский, Борис Игн.

$\frac{801-14}{1450}$

ТРУДЪ и КАПИТАЛЪ.

Опечатки:

Напечатано:		Слѣд. читать:
на стр. 27, строка 21	«зюклячаться»	«заклячаться»
» 30, » 31	«обдѣльнаго»	«отдѣльнаго»
» 32, » 13	«зависило»	«зависѣло»
» 34, » 15	«опредѣлялось»	«опредѣлялась»
» 34, » 22	«сказать»	«сказать:»

Переводъ съ польскаго В. Тучапской.

Трѣданска у Абазасва
Москва, Моганка.

Издание
„Донская Рѣчь“
Ростовъ н-Д.

10821

(M)

Дозволено печатати. Одесса, 29 Марта 1905 года.

до

Ростовъ на Дону.
Типографія Ф. П. Павлова.
1905.

Оглавленіе.

Введеніе	5.
I. Трудъ и его раздѣленіе	13.
II. Роскошь	13.
III. Цѣнность товаровъ	19.
IV. Деньги и цѣна	32.
V. Капиталь	36.
VI. Рабочая сила, какъ товаръ	40.
VII. О прибавочной цѣнности	48.
VII. Ростъ капитала	55.

2014088453

Введеніе.

Всякому извѣстно, что люди не всегда жили такъ, какъ живутъ теперь.

Какъ они жили прежде, какъ работали и какъ пользовались плодами своихъ трудовъ—объ этомъ мы узнаемъ изъ книгъ, написанныхъ учеными.

Мы узнаемъ, что было время, когда люди не имѣли никакого другого оружія, кромѣ лука, палки и каменнаго ножа. Конечно, тогда не могло быть и рѣчи ни объ обработкѣ земли, ни объ осѣдлой жизни. Люди должны были постоянно переходить съ мѣста на мѣсто, разыскивая себѣ пропитаніе. А такъ какъ человѣкъ, вооруженный простымъ лукомъ и палкой, не былъ бы въ состояніи ни поймать большого животнаго, ни защититься отъ хищныхъ звѣрей, то люди должны были жить обществами, вмѣстѣ работать, вмѣстѣ отыскивать средства къ жизни и затѣмъ дѣлить общую добычу между собою.

Съ теченіемъ времени человѣкъ все болѣе и болѣе развивалъ свой умъ, улучшалъ орудія, научился пользоваться дарами земли и, благодаря этому, сталъ сильнѣе. Онъ становится осѣдлымъ и начинаетъ заниматься разведеніемъ растеній. Въ это время онъ могъ уже самъ удовлетворять свои потребности и не нуждался въ помощи, чтобы добывать средства къ жизни. Правда, и теперь надо было соединяться въ большія или меньшія группы для защиты отъ болѣе сильныхъ непріятелей. Внутри же своей группы каждый работалъ только для себя, самъ себѣ приготавливалъ все, что ему было нужно, и на все, добытое своимъ трудомъ,

имѣлъ полное право собственности и пользованія. Но въ тѣ времена человѣкъ былъ еще очень неразвѣтъ, не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, пользоваться дарами природы, не имѣлъ хорошихъ орудій и жилъ очень бѣдно.

Прошли еще сотни, а можетъ быть и тысячи лѣтъ. Человѣкъ еще лучше познакомился съ природой, постепенно узналъ много новаго, улучшилъ старыя орудія труда и изобрѣлъ много новыхъ, научился пользоваться силой воды и вѣтра. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и его благосостояніе. Но одновременно съ прогрессомъ знанія и опыта, въ орудіяхъ и занятіяхъ человѣческихъ, прежде однообразныхъ, появилось извѣстное разнообразіе, и стало невозможнымъ, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ одинаково хорошо владѣлъ всѣми орудіями и занимался всѣми работами, чтобы, на примѣръ, онъ могъ хорошо шить сапоги, строить дома и въ то же время работать въ полѣ. Напротивъ, оказалось, что человѣкъ, занимающійся одной только работой, исполнялъ ее лучше и быстрѣе, чѣмъ если бы онъ занимался одновременно нѣсколькими работами. Вслѣдствіе этого произошло раздѣленіе труда между людьми: одни стали заниматься земледѣліемъ, не занимаясь уже больше ничѣмъ другимъ; другіе занялись гончарнымъ ремесломъ, третьи плотничествомъ и т. д.

Понятно, что земледѣльцы стали получать больше зерна, чѣмъ имъ нужно было для ихъ собственнаго употребленія. Излишекъ, который оставался у нихъ, они отдавали сапожнику за сапоги, портному за платье, плотнику за постройку дома и т. д. Такимъ образомъ ни сапожнику, ни портному, ни плотнику не нужно было заниматься обработкой земли, такъ какъ хлѣбъ они получали за свою работу. Отъ этого получалась громадная польза для всѣхъ. Земледѣлецъ, привыкшій уже обращаться съ плугомъ, потратилъ бы недѣли двѣ, а можетъ быть и больше на шитье пары сапогъ, между тѣмъ какъ сапожникъ сшилъ бы ту же самую пару въ одинъ день. Земледѣлецъ взамѣнъ сапогъ давалъ ему столько хлѣба, сколько успѣвалъ до

быть въ продолженіе того времени, которое сапожникъ затратилъ на шитье сапогъ для него. Такимъ образомъ онъ сберегалъ много времени, цѣлыхъ 13 дней.

Но и въ это время еще люди употребляли большую часть произведенныхъ ими предметовъ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей и только незначительную часть обмѣнивали на другіе предметы.

Извѣстно, однако, что одними руками сдѣлаешь не много, и если бы не существовало другихъ способовъ производства, то человѣкъ былъ бы обреченъ на вѣчную нужду.

Къ счастью, человѣкъ изобрѣлъ машину. Она дала возможность человѣку въ короткое время и при сравнительно небольшомъ усилии изготовлять гораздо лучше тѣ предметы, которые требовали когда-то, при ручной работѣ, много тяжелаго и непріятнаго труда, которые даже по прочности и изяществу значительно уступали обыкновеннымъ фабричнымъ товарамъ: сельскій кузнецъ на приготовленіе плохой подковы потратитъ нѣсколько часовъ тяжелой мучительной работы у горна, между тѣмъ какъ одинъ фабричный рабочій въ Америкѣ выдѣлываетъ съ помощью машины въ одну минуту нѣсколько сотенъ прочныхъ и красивыхъ подковъ. Ткачъ на ручномъ станкѣ долженъ много помучиться, чтобы выткать нѣсколько аршинъ полотна, а между тѣмъ на машинѣ вырабатывается 1000 аршинъ полотна въ часъ.

Такъ и во всемъ машина замѣняетъ человѣка и даетъ ему возможность при меньшемъ трудѣ сдѣлать значительно большее количество необходимыхъ для жизни предметовъ. Вотъ почему, если сто лѣтъ тому назадъ приличное платье, приличная квартира и вообще извѣстныя удобства жизни считались роскошью, доступной только небольшой группѣ богатыхъ, потому что ручной трудъ могъ произвести очень немного товаровъ,—то теперь машина можетъ изготовить такое количество, что ихъ было бы достаточно для удовлетворенія потребности всѣхъ людей.

Ученые вычислили, что если бы люди работали только по пяти часовъ въ сутки, то они при настоящемъ состояніи орудій производства (при существованіи большихъ машинъ и фабрикъ) и при устраненіи нѣкоторыхъ несовершенствъ могли бы вполне удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. А если бы были введены еще большія усовершенствованія въ машинахъ, и трудъ былъ бы окончательно замѣненъ машинами, тогда достаточно было бы трехъ часовъ работы въ сутки!

Сколько бы времени оставалось тогда человѣку для образованія, для развлечения и для отдыха!

Изъ того, что мы сказали, видно, какъ содѣйствуетъ машина увеличенію человѣческаго благосостоянія, какъ сокращаетъ и облегчаетъ трудъ и насколько болѣе удобной и пріятной можетъ сдѣлать жизнь въ будущемъ.

Но этимъ не ограничивается вліяніе машины на человѣческія отношенія и людскіе порядки.

Прежде каждая отдѣльная община, деревня, даже каждая крестьянская семья сама производила все, что ей нужно было для жизни. Каждый земледѣлецъ изъ собственного зерна молотъ муку и пекъ хлѣбъ, изъ своего собственного льна приготовлялъ полотно на одежду, которую ему шила жена, наконецъ самъ рубилъ и свозилъ лѣсъ, изъ котораго самъ же строилъ себѣ избу. Благодаря этому, каждая такая семья была совершенно независима отъ остального міра: если бы въ одинъ прекрасный день весь міръ вокругъ погибъ, она, оставшись совсѣмъ одна, не имѣла бы все-таки недостатка ни въ чемъ и продолжала бы жить такъ же, какъ и раньше.

Посмотримъ теперь на какую-нибудь большую фабрику. Здѣсь всѣ рабочіе такъ зависятъ другъ отъ друга, что если бы, напримѣръ, какой-нибудь смазчикъ машинъ неожиданно заболѣлъ и его нѣкъмъ было бы замѣнить, то фабрика остановилась бы, и всѣ рабочіе изъ-за одного человѣка должны были бы на-время бросить работу.

Или сравнимъ ремесло съ фабричнымъ производствомъ.

Каждый ремесленникъ, который сдѣлалъ какой-нибудь предметъ, могъ сказать, что этотъ предметъ есть продуктъ его собственнаго труда. Между тѣмъ современный фабричный рабочій изготовляетъ только какую-нибудь незначительную часть предмета.

Возьмемъ, напримѣръ, приготовленіе булавокъ, описанное еще сто лѣтъ тому назадъ Адамомъ Смитомъ. «Работа при выдѣлкѣ булавокъ, говоритъ онъ, дѣлится на 18 отдѣльныхъ производствъ. Одинъ рабочій вытягиваетъ проволоку изъ мѣди, второй выпрямляетъ ее, третій полируетъ, четвертый разрѣзываетъ на части, пятый приготовляетъ кончикъ, на который должна быть насажена головка, шестой, седьмой и восьмой работаютъ надъ головкой; отдѣльный рабочій насаживаетъ головку на булавку, отдѣльный бѣлится ее и, наконецъ, еще одинъ рабочій втыкаетъ булавки въ бумажку. Я видѣлъ небольшую фабрику, на которой только десять рабочихъ, при самыхъ жалкихъ орудіяхъ, выработывали ежедневно по 48.000 булавокъ, т. е. по 4.800 каждый. Если бы каждый изъ этихъ рабочихъ работалъ отдѣльно, безъ помощи другихъ и безъ навыка къ этой работѣ, онъ, вѣроятно, не могъ бы сдѣлать и 20 булавокъ, а можетъ быть даже ни одной».

Французскій экономистъ Сэй приводитъ другой, еще болѣе поразительный примѣръ раздѣленія труда—производство игральныхъ картъ. Онъ говоритъ, что каждая карта подвергается 70 операціямъ. Одни рабочіе готовятъ бумагу для картъ, другіе—краски для нихъ, третьи занимаются склеиваніемъ трехъ листиковъ бумаги, изъ которыхъ составляется карта, и кладутъ ихъ подъ прессъ. Одни раскрашиваютъ оборотную сторону картъ, другіе печатаютъ фигуры черной краской, третьи ихъ раскрашиваютъ, четвертые высушиваютъ уже отпечатанные карты. Разрѣзываніе картъ составляетъ занятіе особыхъ рабочихъ; другіе занимаются исключительно складываніемъ картъ въ колоды и т. д. Значеніе такого раздѣленія труда громадно. Мы видѣли фабрику картъ, гдѣ работало 30 рабочихъ, ко-

торые приготовляли вмѣстѣ по 15.500 картъ ежедневно, т. е. по 500 картъ съ лишнимъ каждый.

Если бы каждый рабочій долженъ былъ самъ выполнить всѣ 70 операций, то ему пришлось бы учиться этимъ работамъ много лѣтъ, и въ концѣ концовъ онъ не сдѣлалъ бы, вѣроятно, и двухъ картъ въ сутки.

Однако много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ жили Смитъ и Сэй. Уже и въ то время рабочій исполнялъ только небольшую часть работы, нужной для приготовленія булавки или карты. Теперь трудъ рабочаго еще больше упрощенъ. Одна машина вытягиваетъ проволоку, другая рѣжетъ ее, третья заостряетъ концы и т. д. Человѣкъ только подкладываетъ матеріалъ и подбираетъ вытянутую или разрѣзанную проволоку. Здѣсь машина нужна машинѣ, а человѣкъ при каждой изъ нихъ выполняетъ одну и ту же однообразную работу, но онъ еще больше зависитъ отъ машины, такъ какъ долженъ приспособляться къ ея движеніямъ, поднимать или опускать руки, приближаться или отдаляться, смотря по движенію ея колесъ. Въ большой фабрикѣ всѣ рабочіе служатъ какъ бы придатками машины и всѣ одинаково нужны.

Но какъ рабочій на булавочной фабрикѣ во времена Смита, такъ и рабочій на современной фабрикѣ, пользующейся машинами, смотря на готовую булавку или карту, не можетъ указать, гдѣ его работа и гдѣ работа его товарищей. Тѣмъ болѣе ему трудно сдѣлать это по отношенію къ какой-нибудь гигантской машинѣ, въ изготовленіи которой онъ принималъ участіе одновременно съ сотнями своихъ товарищей и при помощи десятковъ машинъ.

Можетъ ли отдѣльный рабочій требовать, чтобы этотъ продуктъ общаго труда тысячи рабочихъ составлялъ его исключительную собственность?

Фабричный способъ производства связываетъ и ставитъ въ зависимость другъ отъ друга не только рабочихъ одной фабрики. Каждая фабрика связана съ другими, съ тѣми, отъ которыхъ она получаетъ или сырой матеріалъ и

машины, или которымъ уступаетъ свои произведенія. Этого мало. Даже каждый народъ зависитъ отъ другихъ, которымъ даетъ свои произведенія взаменъ получаемыхъ отъ нихъ, и все цивилизованное человѣчество въ отношеніи производства представляетъ собою одно цѣлое, составныя части котораго, отдѣльные народы, тѣсно связаны другъ съ другомъ и находятся въ зависимости другъ отъ друга.

Эта взаимная зависимость всѣхъ народовъ растетъ съ каждымъ днемъ. Прежде, когда сообщеніе между государствами было очень затруднено вслѣдствіе недостатка дорогъ и отсутствія безопасности, стремились къ тому, чтобы каждая страна, даже каждая мѣстность сама производила все, что нужно было ея жителямъ. Теперь же въ каждой странѣ производятъ только то, чему благоприятствуютъ мѣстные условія; остальные предметы получаютъ изъ другихъ странъ.

Изъ этого бѣлаго очерка исторіи развитія человѣчества мы видимъ, какъ вся жизнь человѣческая измѣнялась въ зависимости отъ способовъ производства. Пока въ странѣ существуютъ только земледѣльцы, пока желѣзныя дороги не нужны, науки не существуютъ, пока каждая община совершенно отрѣзана отъ остального міра и имѣетъ свои особые обычаи, свое особое устройство,—до тѣхъ поръ продукты труда могутъ еще принадлежать отдѣльному производителю. Но какъ только появляются большія фабрики — а одновременно съ ними должны явиться желѣзныя дороги для перевозки товаровъ,—люди начинаютъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, произведенія труда не могутъ уже принадлежать одному рабочему, и весь міръ представляетъ какъ бы одно цѣлое.

Ученые доказываютъ, что даже формы семьи, собственности, правленія измѣняются въ зависимости отъ орудій труда и способовъ производства. Впрочемъ, мы уже знаемъ, что у людей, которые работаютъ на мелкихъ ручныхъ станкахъ, должны быть другіе порядки, нежели у тѣхъ,

которые работают на больших фабриках и при огромных машинах.

Человѣческій трудъ всегда создаетъ какой нибудь продуктъ: столъ, сукно и т. п. Эти продукты продаются. Естественно, является вопросъ, почему они продаются по той, а не по другой цѣнѣ. Затѣмъ, какъ извѣстно, только нѣкоторые люди добываютъ хлѣбное зерно. Опять является вопросъ: какимъ образомъ другіе люди, не добывая хлѣбнаго зерна, могутъ имъ пользоваться? Въ свою очередь, чтобы сдѣлать столъ, нужно дерево и орудія. Какимъ образомъ возвращаются деньги, потраченныя на эти орудія и дерево? Почему каждый принимаетъ деньги и старается ихъ добыть?

На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ *Политическая Экономія*. Она насъ учитъ о законахъ производства и об-
мѣна богатствъ. Въ концѣ концовъ какъ все, такъ и эти законы съ теченіемъ времени измѣняются въ зависимости отъ орудій труда и способовъ производства.

I.

Трудъ и его раздѣленіе.

Только въ немногихъ странахъ, какъ напримѣръ, въ плодородныхъ долинахъ Индіи, природа даетъ человѣку наполовину даромъ все то, что ему нужно для поддержанія жизни. Бананы, хлѣбное дерево и финиковыя пальмы растутъ тамъ въ изобиліи и даютъ прекрасный урожай почти безъ всякихъ усилій со стороны человѣка; кромѣ того, теплый климатъ позволяетъ жителямъ обходиться безъ одежды, а густая листва деревьевъ защищаетъ человѣка отъ дождя.

Во всякой другой странѣ человѣкъ долженъ прилагать много стараній, чтобы обезпечить себѣ существованіе и здѣсь оно зависитъ исключительно отъ того, что человѣкъ создаетъ собственнымъ трудомъ.

Присмотримся однако ближе къ человѣческому обществу. Хотя все въ немъ добывается трудомъ, однако существуетъ громадная разница въ видахъ труда, который выполняется разными людьми. Мы видимъ герцога, вся работа котораго состоитъ въ управленіи, отдаваніи приказовъ, устраиваніи военныхъ парадовъ и т. д.; видимъ, далѣе генераловъ, которые проводятъ время въ военныхъ упражненіяхъ, въ командованіи войскомъ; затѣмъ видимъ министровъ, которые управляютъ государствомъ съ помощью цѣлой массы чиновниковъ. Кромѣ того, мы еще встрѣчаемъ промышленниковъ и купцовъ, которые перевозятъ товары съ одного мѣста на другое и такимъ образомъ посредствомъ торговли способствуютъ обмѣну предметовъ.

Множество людей руководятъ такими работами, какъ проведеніе каналовъ, шоссе, желѣзныхъ дорогъ, или работаютъ при нихъ; работы эти, очень полезныя для всѣхъ, доставляютъ немало труда тѣмъ, кто ихъ выполняетъ.

Однако всѣ перечисленные виды труда занимаютъ относительно незначительное количество лицъ. Большин-

ство людей работают надъ добываніемъ сырыхъ произведеній природы или надъ ихъ обработкой. Такъ рудокопы, земледѣльцы, рыбаки, охотники добываютъ и собираютъ сырыя произведенія; другіе же рабочіе на фабрикахъ и въ мастерскихъ, на мельницахъ и въ пекарняхъ занимаются переработкой этихъ сырыхъ произведеній и доставляютъ обществу уже обработанные предметы. Предметы эти, если они приготовлены для продажи, называются *товарами*.

Товары служатъ для удовлетворенія потребностей не только тѣхъ людей, которые заняты непосредственно добываніемъ и обработкой ихъ, но и всего общества.

Эти соображенія даютъ намъ возможность раздѣлить всѣхъ трудящихся на двѣ группы, соотвѣтственно характеру ихъ занятій.

Людей, занятыхъ добываніемъ и переработкой сырыхъ матеріаловъ, мы назовемъ *работниками-производителями товаровъ*. Къ нимъ относятся: земледѣльцы, рудокопы, рыбаки, охотники, ремесленники и фабричные рабочіе. Всѣхъ другихъ, занимающихся какимъ нибудь полезнымъ трудомъ, мы назовемъ *работниками, оказывающими услуги*. Эта другая группа работниковъ переноситъ и перевозитъ товары или исполняетъ обязанности врачей, техниковъ, учителей, ученыхъ и т. д. Такъ какъ работники второй группы не производятъ сами товаровъ, то, чтобы жить, они должны получать часть продуктовъ отъ работниковъ, производящихъ товары, взаменъ за услуги, которыя они имъ оказываютъ. Конечно, это возможно только въ томъ случаѣ, если трудъ работниковъ, производящихъ товары, настолько производителенъ, т. е. производитъ столько разныхъ полезныхъ предметовъ, что ихъ оказывается больше, чѣмъ нужно самимъ этимъ работникамъ для собственнаго существованія. Только благодаря этому, они могутъ отдавать добровольно или принудительно часть произведенныхъ продуктовъ той или другой группѣ, которая предлагаетъ обществу не товары, а свои личныя услуги.

II.

Роскошь.

Обыкновенно считается неопровержимымъ мнѣніе, что роскошь богатыхъ является источникомъ заработка и благодѣяніемъ для трудящагося класса. Утверждаютъ, что если бы богатые перестали одѣвать своихъ дочерей и женъ въ шелкъ и бархатъ, если бы ихъ жилища не были украшены роскошными коврами, красивыми обоями, рѣзной мебелью и тысячу другихъ предметовъ роскоши, то множество рабочихъ, занятыхъ приготовленіемъ этихъ предметовъ, не имѣло-бы работы, а слѣдовательно, заработка и средствъ къ жизни.

Поэтому, многіе вѣрятъ въ то, что роскошь богатыхъ кормитъ бѣдныхъ. При современныхъ условіяхъ взглядъ этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто находитъ себѣ подтвержденіе. Остановимся на этомъ подробнѣе.

Чтобы жить, люди должны потреблять продукты, поэтому, такъ называемые *работники-производители*, т. е. производящіе товары, должны выработать ихъ столько, чтобы всѣ могли удовлетворить свои потребности.

При современныхъ экономическихъ условіяхъ каждый за свой трудъ получаетъ плату деньгами, которая въ свою очередь отдаетъ другимъ, покупая въ лавкахъ и магазинахъ разные предметы, необходимые для него и для его семьи.

Всѣ товары, сложенные на рынкѣ, въ складахъ, магазинахъ и лавкахъ и предназначающіеся для продажи, составляютъ продуктъ труда рабочихъ; собраніе всѣхъ товаровъ является общимъ продуктомъ труда всѣхъ членовъ общества. Представимъ себѣ теперь, что каждый отдаетъ въ эти склады продуктъ своего труда и взаменъ беретъ

какую-то часть общаго продукта, часть, которая соотвѣтствуетъ по цѣнности денежному вознагражденію за день труда.

Тогда оказалось-бы, что рабочіе, производящіе предметы роскоши, не получаютъ почти ничего изъ собственныхъ произведеній, а пользуются только предметами, извѣстными подъ именемъ предметовъ общаго потребленія.

Всѣ обыкновенные продукты, безъ которыхъ люди не могутъ обойтись, на примѣръ: пища, одежда, жилище, домашняя и кухонная утварь, составляли бы особое отдѣленіе въ этихъ магазинахъ. Изъ этого отдѣленія получали бы предметы потребленія одинаково, какъ тѣ, кто является производителями товаровъ, такъ и тѣ, которые оказываютъ услуги обществу. Отдѣленіе это было бы наполнено продуктами труда исключительно тѣхъ рабочихъ, которые занимаются производствомъ предметовъ общаго потребленія. Это доказываетъ, что производительность ихъ труда такъ велика, что произведеннаго ими хватаетъ не только для нихъ самихъ, но еще и для тѣхъ рабочихъ, которые производятъ предметы роскоши, а также для работниковъ, оказывающихъ обществу услуги.

Предметы роскоши составили бы другое отдѣленіе въ магазинахъ; но хотя оно было бы наполнено произведеніями труда всѣхъ рабочихъ, производящихъ предметы роскоши, но пользовались бы имъ исключительно люди богатые, которые, впрочемъ, потребляли бы въ то-же время и предметы, необходимые всѣмъ, забирая изъ перваго отдѣленія магазиновъ мяса, хлѣбъ и проч.

Допустимъ теперь, что требованіе на предметы роскоши, а слѣдовательно, и производство ихъ прервалось на время. Тогда всѣ рабочіе, занятые до тѣхъ поръ производствомъ этого рода предметовъ, чтобы имѣть возможность существовать, должны были бы обратиться къ производству предметовъ общаго потребленія. Произведенные ими предметы они отдавали бы теперь въ первое отдѣленіе магазина и увеличили бы продуктомъ своего труда количество предметовъ общей необходимости. Такимъ обра-

зомъ, каждый могъ бы получать больше необходимыхъ предметовъ, чѣмъ прежде.

Постараемся выяснитъ это нѣсколькими примѣрами. Дамскіе туалеты, украшеніе залъ, кушанье и напитки, употребляемые для одного бала, стоятъ, скажемъ, тысячъ сто. Это соотвѣтствуетъ почти 100 тысячамъ обыкновенныхъ рабочихъ дней. Почти 330 человѣкъ должны были работать въ теченіе года (около 300 дней), чтобы выработать предметы, потребленные въ одинъ вечеръ. А между тѣмъ, большая часть рабочихъ, занятыхъ производствомъ этихъ предметовъ роскоши, живетъ въ нуждѣ и ходитъ въ лохмотьяхъ.

Ткачъ, выдѣлывающій тончайшей батистъ, часто не имѣетъ рубахи для своихъ дѣтей; кружевница, портящая свое зрѣніе надъ выработкой тончайшихъ кружевъ, умираетъ медленной смертью вслѣдствіе недостатка питанія; работники, производящіе бархатъ и шелкъ, не имѣютъ теплой одежды на зиму. Портные и швеи, цвѣточницы и продавщицы въ магазинахъ живутъ почти впроголодь. А между тѣмъ эти люди должны радоваться расточительности богатыхъ, потому что, не будь этой расточительности, они очутились бы безъ куска хлѣба. Если-бы, однако, эти 330 человѣкъ въ теченіе года занимались выработкой обыкновеннаго ситца, сукна и другихъ необходимыхъ предметовъ, ихъ работа дала бы возможность имѣть удобную и приличную одежду, не только имъ самимъ, но они выработали бы столько этихъ предметовъ, что вдвое большее число лицъ могло бы одѣться прилично.

Возьмемъ другой примѣръ.

Богатый человѣкъ строить себѣ домъ, который со всѣмъ устройствомъ стоитъ ему, допустимъ, 300,000 руб. Это соотвѣтствуетъ годовому труду 1000 людей, занятыхъ постройкой и отдѣлкой дома для одной только семьи. Сколько бы обыкновенныхъ, но здоровыхъ и помѣстительныхъ домиковъ могли бы выстроить эти люди въ теченіе года!

Мы должны признатъ, что понятіе роскошь трудно

опредѣлить точно. Вещи, которыя 50 лѣтъ тому назадъ считались роскошью, теперь, благодаря усовершенствованному и облегченному производству, вошли въ общее употребленіе. Можно навѣрное сказать, что при массовомъ производствѣ все большее количество предметовъ роскоши становится предметами ежедневнаго обихода. Дикому человѣку можетъ казаться, что употребленіе мыла есть роскошь. Еще большинство рабочихъ, къ сожалѣнію, считаетъ чтеніе газетъ и книгъ вещью излишнею, а промышленники такъ-же смотрятъ на научныя сочиненія по хозяйству. Мы однако не отказываемся отъ нашего мнѣнія о роскоши и продолжаемъ думать, что она всегда служитъ на пользу лишь немногимъ. Вѣдь и тамъ, гдѣ большинство не чувствуетъ потребности въ мылѣ и чтеніи газетъ, мыловары и наборщики будутъ работать если не исключительно, то главнымъ образомъ для меньшинства, мало пользуясь предметами, произведенными ими самими.

Итакъ мы видимъ, что если-бы значительная часть рабочихъ не была принуждена производить предметы роскоши, трудъ ихъ можно было-бы обратить на производство предметовъ общаго потребленія; а такъ какъ теперь, благодаря существованію машинъ, человѣческой трудъ сталъ очень производительнымъ, т. е. въ короткое время производитъ много полезныхъ предметовъ, то ихъ хватило бы на удовлетвореніе потребностей всего общества. Лучшая и болѣе удобная жизнь сдѣлалась бы доступной для всѣхъ, всякій имѣлъ бы возможность получить научное и эстетическое образованіе.

III.

Цѣнность товаровъ.

Въ настоящее время, когда каждый продаетъ свой трудъ (или если работаетъ за свой счетъ, то продуктъ труда) и на полученныя деньги получаетъ то, что ему нужно, постоянно является вопросъ: сколько стоитъ тотъ или другой товаръ? Мы говоримъ также о цѣнности новаго изобрѣтенія, дружбы, извѣстія, услуги, о цѣнности здоровья и жизни. Мы употребляемъ выраженіе цѣнность на каждомъ шагу и потому должны составить себѣ ясное понятіе о томъ, что выражаетъ это слово.

Надо быть философомъ, чтобы понять то, что мы видимъ ежедневно, сказалъ когда-то великій французскій философъ Руссо.

Въ самомъ дѣлѣ, труднѣе всего понять то, что мы видимъ ежедневно, потому что человѣкъ привыкаетъ къ такимъ явленіямъ и совсѣмъ не останавливается на нихъ.

Богатство современнаго общества заключается въ огромнѣйшей массѣ товаровъ. Займемся теперь вопросомъ, отъ чего зависитъ цѣнность товара.

Если у насъ есть какой-нибудь предметъ, мы можемъ имъ воспользоваться двумя способами. Первое употребленіе—обыкновенное, свойственное предмету; оно бываетъ тогда, когда мы употребляемъ его для удовлетворенія какой-нибудь нашей потребности; другое употребленіе чуждо природѣ предмета и имѣетъ мѣсто тогда, когда мы пользуемся имъ, какъ предметомъ обмѣна, т. е. если не потребляемъ его, а только обмѣниваемъ на другой предметъ. Напримѣръ, сапогъ можетъ быть употребленъ какъ обувь, или тоже для обмѣна на другой предметъ. Первое употребленіе будетъ естественнымъ, при второмъ же, мы хотя и

пользуемся сапогомъ, но не съ той цѣлью, которой онъ долженъ былъ служить, такъ какъ онъ сдѣланъ для носки, а мы его обмѣниваемъ на другой предметъ.

Приведенная здѣсь разница между цѣнностью вещей при ихъ употребленіи (*потребительная цѣнность*) и при обмѣнѣ (*мѣновая цѣнность*) указана была еще 2200 лѣтъ тому назадъ греческимъ философомъ Аристотелемъ. Но въ это время большинство предметовъ производилось для собственного употребленія и только излишекъ, который оставался, поступалъ въ продажу. Теперь всѣ производятъ исключительно для обмѣна и это составляетъ признакъ *капиталистическаго производства*.

Каждая вещь, которая произведена съ цѣлью обмѣна, должна быть кому-нибудь нужна, должна удовлетворять какой-нибудь потребности. Вѣдь никто не возьметъ того, что ему совершенно не нужно; поэтому то всякій товаръ долженъ имѣть потребительную цѣнность. Только полезная вещь можетъ стать товаромъ.

Однако не все то, что имѣетъ потребительную цѣнность, можетъ быть товаромъ. Свѣтъ, воздухъ, вода въ рѣкѣ служатъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, но они не являются товарами. Все это встрѣчается въ такомъ количествѣ, что доступно каждому безъ всякаго труда и усилій. Но разъ мы наберемъ воды и привеземъ ее въ городъ, т. е. разъ мы такимъ образомъ на доставку ее затратимъ извѣстный трудъ, мы будемъ уже иначе оцѣнивать эту воду, такъ какъ, кромѣ естественной, потребительной цѣнности, она приобрѣла, благодаря труду, еще другую цѣнность—мѣновую и стала товаромъ. Такимъ образомъ трудъ, полезный трудъ есть первое условіе мѣновой цѣнности.

Чтобы лучше это уяснить себѣ на примѣрѣ, удобнѣе всего взять простѣйшій случай, т. е. не упоминать о деньгахъ, а допустить, что продажа совершается просто посредствомъ обмѣна товара на товаръ.

Ткачъ выткалъ 20 аршинъ полотна, которое ему са-

тому не нужно, портной сшилъ платье, которое также ему не нужно. Но зато ткачъ нуждается въ платьѣ, а портной въ полотнѣ. И вотъ они обмѣниваются своими произведеніями, согласившись, что 20 аршинъ полотна имѣютъ такую же цѣнность, какъ платье.

Ткачъ продолжаетъ работать и обмѣниваетъ полотно на разные другіе товары, такъ за 20 аршинъ полотна онъ покупаетъ столъ, затѣмъ за такое же количество полотна покупаетъ 100 фунтовъ хлѣба, 40 мѣръ угля и, наконецъ, книгу.

При каждомъ обмѣнѣ цѣнность обмѣниваемыхъ товаровъ должна быть одинакова, именно 20 аршинъ полотна равняются цѣнности платья, стола, 100 фунтовъ хлѣба, 40 мѣръ угля и, наконецъ, книги. Отсюда получается такой расчетъ:

20 арш. полотна	стоятъ	столько же,	сколько	1 платье.
20 »	»	»	»	» 1 столъ.
20 »	»	»	»	» 100 ф. хлѣба.
20 »	»	»	»	» 40 мѣръ угля.
20 »	»	»	»	» 1 книга.

Всѣ эти произведенія являются полезными предметами, удовлетворяющими разнымъ человѣческимъ потребностямъ. И хотя назначеніе ихъ различное, какъ различенъ матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, но всѣ они представляютъ соединеніе производительнаго человѣческаго труда съ матеріаломъ, доставляемымъ природой.

Разнообразіе этихъ предметовъ дѣлаетъ возможнымъ обмѣнъ, потому что никто не сталъ бы обмѣнивать платья на платье, полотна на полотно; только произведенія различныхъ самостоятельныхъ видовъ труда могутъ быть обмѣниваемы.

Присмотримся ближе къ товарамъ и мы убѣдимся, что въ полотнѣ заключается трудъ ткача, который превратилъ ленъ, произведенный трудомъ земледѣльца, въ ткань; мы убѣдимся, что въ платьѣ содержится трудъ портного и ткача, а также и шерсть, добытая трудомъ скотовода; что

въ столѣ есть трудъ столяра и дровосѣка, а также дерево. Въ хлѣбѣ мы найдемъ трудъ пекаря, мельника и рожь, добытую трудомъ земледѣльца. Въ углѣ содержится трудъ углекопа; въ книгѣ—трудъ автора, который ее написалъ, а также рабочаго съ писчебумажной фабрики, наборщика и переплетчика.

Всѣ перечисленные здѣсь виды труда значительно отличаются одинъ отъ другого: у столяра своя работа, у углекопа своя, у писателя опять своя, но общее въ нихъ то, что всѣ эти работы одинаково требуютъ усилій со стороны чловѣка, чловѣческаго труда. Чѣмъ легче и проще работа, тѣмъ меньше времени нужно чловѣку для того, чтобы выучиться ей; чѣмъ труднѣе—тѣмъ больше.

Если мы вернемся къ тому времени, когда земледѣлецъ самъ молотъ свое зерно на жерновахъ и самъ пекъ хлѣбъ изъ своей муки, то увидимъ, что ленъ пряли дома, а не на фабрикѣ, что платье шили также дома. Поэтому тогда одинъ и тотъ же чловѣкъ былъ—то земледѣльцемъ, то мельникомъ, то хлѣбопекомъ; одинъ и тотъ же чловѣкъ исполнялъ сначала работу земледѣльца, потомъ ткача и, наконецъ, портного. Само собой разумѣется, что тотъ же самый чловѣкъ рубилъ деревья въ лѣсу и самъ строилъ себѣ избу; слѣдовательно, онъ былъ одновременно и дровосѣкомъ, и плотникомъ, и столяромъ. Однимъ словомъ, въ то время одинъ и тотъ же чловѣкъ исполнялъ различныя работы, которыя теперь кажутся намъ совершенно неподходящими другъ къ другу. Изъ того однако, что одинъ и тотъ же чловѣкъ былъ въ состояннн выполнить столько разнообразныхъ работъ, ясно видно, что всѣ эти работы не что иное, какъ приложеніе одной и той же чловѣческой рабочей силы.

Во всѣхъ перечисленныхъ нами товарахъ въ полотнѣ, въ платьѣ, въ столѣ содержится одинъ и тотъ же чловѣческой трудъ. Разница между отдѣльными товарами состоитъ только въ количествѣ затраченнаго труда: чтобы сдѣлать столъ, надо въ 20 разъ больше труда, чѣмъ для

выдѣлки одного аршина полотна; опять таки для выдѣлки 20 аршинъ полотна понадобится въ 20 разъ больше труда, чѣмъ для выдѣлки одного аршина и т. д. Если я скажу, что 20 аршинъ полотна стоятъ столько, сколько одинъ столъ, это значитъ, что для изготовленія стола нужно употребить такое же усиліе, столько же чловѣческаго труда, сколько на выработку 20 аршинъ полотна *). Что трудъ столяра отличается отъ труда ткача, это намъ теперь не важно; мы знаемъ, что обѣ эти работы одинаково требуютъ затраты чловѣческаго труда и на основаннн этого сравниваемъ предметы, созданные этимъ трудомъ.

Такимъ образомъ, основаннн мѣновой цѣнности, которой обладаютъ всѣ товары, служить заключенный въ нихъ чловѣческой трудъ.

Всѣ товары не только обладаютъ мѣновой цѣнностью вообще, но какимъ нибудь опредѣленнымъ количествомъ этой мѣновой цѣнности. Дѣло въ томъ, что одинъ товаръ обладаетъ большей, другой меньшей цѣнностью. Такъ какъ основаннн мѣновой цѣнности является трудъ, то въ товарахъ, соотвѣтственно большей или меньшей цѣнности ихъ, должно заключаться то большее, то меньшее количество чловѣческаго труда.

Чѣмъ же измѣряется трудъ? Трудъ можно измѣрять временемъ, употребленнымъ на изготовленіе предмета. Такимъ образомъ можно опредѣлить, сколько часовъ труда ткача содержится въ полотнѣ и сколько часовъ труда портного въ платьѣ. Тѣмъ не менѣе работа ткача не похожа на работу портного; работѣ земледѣльца научиться легче, чѣмъ работѣ писателя или ученаго. Чтобы сдѣлаться ткачемъ или столяромъ, нужно извѣстное время учиться этому ремеслу. Поэтому, въ каждомъ часѣ труда ткача

*) Извѣстно, что сравнивать другъ съ другомъ можно только предметы однородные. Если же сопоставлять такія различныя вещи, какъ полотно и книги, то это можно сдѣлать, сравнивая только то, что у нихъ есть общаго, т. е. заключенный въ нихъ чловѣческой трудъ.

или столяра содержится часть того времени, которое онъ потратилъ на *изученіе* ремесла; значить часть работы столяра значительно сложнѣе, чѣмъ часть работы деревенскаго батрака, которому не нужно было никакого обученія для своего дѣла. Эта разница выступаетъ еще ярче, если мы возьмемъ трудъ ученаго. Послѣдній употребилъ цѣлые годы для приобрѣтенія общаго образованія, затѣмъ цѣлые мѣсяцы долженъ былъ посвятить специальному изученію предмета, чтобы написать книгу, самое писаніе которой требуетъ всего нѣсколькихъ дней труда. Въ эти то немногіе часы входятъ однако всѣ другіе часы труда, потраченного прежде на научныя занятія. Поэтому одинъ часъ труда ученаго равняется, скажемъ, десяти часамъ обыкновеннаго человѣческаго труда.

Мы должны теперь обратить вниманіе на трудъ, который называется *квалифицированнымъ*, и на то, чѣмъ онъ отличается отъ труда обыкновеннаго. Трудъ, который можетъ быть выполненъ всякимъ здоровымъ человекомъ безъ предварительной подготовки, считается трудомъ *обыкновеннымъ*. Всякій другой трудъ, требующій болѣе или менѣе продолжительнаго обученія, называется трудомъ *высшимъ* или *квалифицированнымъ*. Трудъ высшій производитъ въ теченіе того же времени большую мѣновую цѣнность, чѣмъ трудъ обыкновенный. Мы можемъ увидѣть это на примѣрѣ.

Допустимъ, что кому-нибудь поручено сдѣлать очень сложный приборъ, и что послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, послѣ трехлѣтняго труда, ему наконецъ удалось выполнить этотъ заказъ. Въ такомъ случаѣ мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что въ этомъ приборѣ заключается три года рабочаго времени, а слѣдовательно онъ самъ имѣетъ цѣнность трехлѣтняго труда.

Если подмастерю въ слесарной мастерской нужно, три года обученія, чтобы затѣмъ умѣть сдѣлать замокъ то, казалось бы, онъ имѣетъ право сказать, что въ сдѣланный имъ замокъ входитъ трехлѣтній трудъ. Но нашъ

подмастерье не ограничивается изготовленіемъ одного замка, а постоянно будетъ дѣлать новые. Допустимъ, что нашъ слесарь, благодаря трехлѣтнему обученію, дошелъ до того, что можетъ сдѣлать замокъ въ полъ-дня. Въ такомъ случаѣ нельзя сказать, что въ первомъ замкѣ, который онъ сдѣлалъ, содержится трехлѣтній трудъ, затраченный на обученіе. Въ послѣдующихъ же замкахъ нѣтъ ничего, кромѣ рабочаго времени, необходимаго для изготовленія одного замка (полъ-дня). Наоборотъ, въ каждомъ изъ замковъ, сдѣланныхъ слесаремъ, кромѣ времени, необходимаго для приготовленія одного замка, заключается и частица того времени, которое онъ употребилъ на обученіе ремеслу. Какова эта частица—опредѣлить трудно, потому что неизвѣстно, сколько замковъ сдѣлаетъ нашъ слесарь въ своей жизни; мы можемъ только неопредѣленно сказать, что извѣстная частица здѣсь должна быть. Такимъ образомъ въ замкѣ, который требуетъ для своего производства, напр., 6 часовъ, заключается еще одна лишняя частица времени, допустимъ—1 часъ, что вмѣстѣ составляетъ 7 часовъ. Поэтому въ продолженіе 6 часовъ своего труда слесарь можетъ сдѣлать больше, чѣмъ въ тѣ же 6 часовъ можетъ сдѣлать простой рабочій, не тратившій времени на предварительную подготовку.

Такимъ образомъ разные виды труда можно свести къ большому или меньшему количеству одного и того же обще-человѣческаго труда. Вотъ именно количество этого обыкновеннаго обще-человѣческаго труда, заключающееся въ товарѣ, и составляетъ мѣновую цѣнность продукта. Измѣряютъ эту цѣнность временемъ.

Допустимъ теперь, что нашъ ткачъ при выработкѣ 20 аршинъ полотна отдыхаетъ и потому оканчиваетъ работу въ срокъ вдвое болѣе, чѣмъ обыкновенно. Если бы, однако, онъ требовалъ за это отъ портного двухъ платьевъ, то, вѣроятно, получилъ бы такой отвѣтъ: «мнѣ все равно, сколько часовъ ты потратилъ на эту работу; я знаю, что при обыкновенномъ трудѣ безъ перерывовъ эту рабо-

ту можно окончить въ продолженіе столькихъ-то часовъ, и потому твои двадцать аршинъ полотна имѣютъ только такую цѣнность, какъ если бы они были приготовлены именно въ этотъ срокъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что ты, благодаря своей лѣни, работалъ въ два раза дольше».

Допустимъ теперь обратное,—что нашъ ткачъ работаетъ въ два, три раза усерднѣе и такимъ образомъ можетъ выткать свои двадцать аршинъ полотна, предположимъ, въ три четверти того времени, которое ему нужно было для этой работы прежде. Является вопросъ, не меньше ли заключается обще-человѣческаго труда рабочаго времени въ этихъ двадцати аршинахъ полотна. Не долженъ ли нашъ ткачъ продавать свое полотно дешевле? Нѣтъ, онъ долженъ рассуждать такъ: «если я буду лѣниться и работать медленнѣе, то вѣдь никто не приметъ въ расчетъ, что я потратилъ на производство этого куска полотна больше времени, чѣмъ надо; наоборотъ, мнѣ скажутъ, что *обыкновенно* такой кусокъ выдѣлывается въ меньшее количество времени. Я получу вознагражденіе только за болѣе короткое время средняго обще-человѣческаго труда. Теперь же, когда, благодаря усердію и напряженію, мнѣ удалось сдѣлать немного больше того, что дѣлаютъ другіе работники въ теченіе того же времени, мой кусокъ полотна должны оцѣнить, какъ обыкновенно, т. е. какъ будто на него было потрачено обычное количество рабочаго времени. Значитъ, несмотря на то, что я работалъ меньше времени, мнѣ заплатятъ, какъ обыкновенно». Нашъ ткачъ совершенно правъ, потому что вопросъ не въ томъ, сколько времени потребуетъ каждая отдѣльная личность на изготовленіе извѣстнаго товара. Мѣновая цѣнность товара опредѣляется не тѣмъ временемъ, которое затрачиваетъ отдѣльное лицо, а тѣмъ, которое затрачивается всякимъ среднимъ человѣкомъ при среднемъ усердіи и средней ловкости. Дѣло идетъ не объ исключеніяхъ, не объ отдѣльныхъ лицахъ, а обо всѣхъ вообще, и потому то время, которое *въ среднемъ* необходимо для выработки

даннаго товара, называется временемъ „*общественно-необходимымъ* для производства товара“.

Надо еще обратить вниманіе на то, что время, необходимое для изготовленія стола, полотна, платья и всякаго другого товара, зависитъ не только отъ усердія и ловкости рабочаго, но также—и это главнымъ образомъ—отъ совершенства орудій труда, машинъ и т. д. А эти орудія связаны съ общимъ состояніемъ общества и не зависятъ отъ воли отдѣльной личности.

Крестьянинъ, распиливая дерево ручной пилой, тратитъ на свою работу больше времени, чѣмъ столяръ, который пользуется паровой машиной, а потому крестьянинъ будетъ больше трудиться надъ изготовленіемъ стола, чѣмъ столяръ. Сельскій ткачъ дольше трудится надъ кускомъ полотна, нежели ткачъ, который трудится съ помощью машины. Наборщикъ, примѣняющій ручной трудъ, тратитъ больше времени, чѣмъ тотъ, который имѣетъ паровую машину. Слѣдовательно, чѣмъ совершеннѣе будутъ тѣ орудія, которыми пользуются при работѣ, тѣмъ производительнѣе будетъ трудъ,—другими словами, тѣмъ меньше труда будетъ заключаться въ каждомъ предметѣ. То время, которое нужно для производства извѣстнаго товара при наиболѣе распространенныхъ въ данное время орудіяхъ труда, называется *общественно-необходимымъ* рабочимъ временемъ. Съ момента, когда будутъ изобрѣтены и получатъ общее распространеніе новыя и лучшія орудія труда, однимъ словомъ, когда общество будетъ въ состояніи производить товары въ болѣе короткій промежутокъ времени, чѣмъ раньше,—съ этого момента количество времени, прежде необходимое для производства того или другого товара, перестаетъ быть *общественно-необходимымъ* временемъ. При новыхъ, болѣе совершенныхъ орудіяхъ производства *общественно-необходимое* для производства того или другого товара время будетъ уже другое.

Допустимъ теперь, что ткацкая машина можетъ въ часъ выткать столько полотна, сколько ручной ткачъ

сдѣлаеть въ теченіе цѣлаго дня. Тогда на послѣдняго будутъ смотрѣть, какъ на лѣниваго работника, и цѣлый день его тяжелаго труда будетъ оцѣниваться такъ же, какъ одинъ часъ работы на ткацкой машинѣ. Почему? Потому что во всемъ обществѣ господствуютъ такія условія производства, которыя, при новыхъ орудіяхъ труда (машины), при среднемъ усердіи и средней ловкости, требуютъ только одного часа для выполненія такой работы, на которую ручной ткачъ тратитъ цѣлый день.

А такъ какъ орудія труда, машины и т. д. все болѣе и болѣе совершенствуются, то и мѣновая цѣнность каждаго товара не остается всегда одинаковой, а понижается, понижается потому, что цѣнность товара зависитъ отъ общественно-необходимаго времени, употребленнаго на его производство; время же это сокращается съ усовершенствованіемъ машинъ. Поэтому, повторяемъ еще разъ, дѣло идетъ не о томъ рабочемъ времени, которое тотъ или иной рабочій затратилъ въ дѣйствительности, а о времени *общественно-необходимомъ*, т. е. нужномъ для производства товара при употребленіи лучшихъ орудій труда. Такимъ образомъ, можно сказать, что время, которое необходимо для производства товара при употребленіи наилучшихъ орудій труда, именно и есть *общественно-необходимое* время, и что оно то опредѣляетъ мѣновую цѣнность товара.

Но есть еще одинъ вопросъ, на который надо обратить вниманіе.

Каждый товаръ представляетъ предметъ, который удовлетворяетъ какой-нибудь нашей потребности. Никому не нуженъ бесполезный предметъ, и потому такой предметъ не можетъ стать товаромъ. Трудъ, потраченный на производство предмета, который вслѣдствіе своей бесполезности не можетъ стать товаромъ, есть трудъ бесполезный, напрасный. Затраченное въ этомъ случаѣ рабочее время не будетъ общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, и

предметъ, въ который вложенъ этотъ трудъ, не имѣетъ никакой мѣновой цѣнности.

Теперь мы должны отмѣтить, что существуютъ не только такіе предметы, которые не имѣютъ никакой мѣновой цѣнности, потому что ихъ никто не хочетъ имѣть, а слѣдовательно и вымѣнивать, но случается и такъ, что предметы, по существу очень полезные и необходимые, становятся бесполезными и ненужными, такъ какъ потребность въ этихъ товарахъ уже вполне удовлетворена и никто не хочетъ ихъ брать. Столъ, напр., не только полезный и нужный предметъ, но просто необходимый въ домашнемъ обиходѣ. Можно смѣло сказать, что тысячи семействъ хотѣли бы имѣть двумя, тремя или четырьмя столами больше, чѣмъ имѣютъ теперь. Допустимъ, однако, что столяры сдѣлали столько столовъ, что на каждую семью пришлось бы пятьюдесятью столами больше, чѣмъ теперь. Для каждаго ясно, что ни одна семья не приняла бы даже въ подарокъ такого количества столовъ—о покупкѣ и рѣчи не можетъ быть!—потому что не знали бы, куда ихъ дѣвать. Пусть бы столяры всетаки сказали: «мы работали надъ этими столами съ помощью самыхъ лучшихъ орудій и съ среднимъ усердіемъ и ловкостью, поэтому мы требуемъ, чтобы общество купило ихъ у насъ по ихъ *дѣйствительной* мѣновой цѣнности». Что отвѣтитъ столярамъ? А вотъ что имъ отвѣтили бы: «Если бы вы сдѣлали для каждой семьи два, самое большее три стола, мы были бы вамъ благодарны за то, что вы своимъ трудомъ удовлетворили потребность общества. Время, потраченное вами на производство двухъ столовъ на каждую семью, мы признали бы охотно потраченнымъ на пользу общества, слѣдовательно, общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ. А теперь что намъ дѣлать со всѣми вашими столами? Ихъ нельзя даже спрятать про запасъ, потому что нѣтъ такихъ магазиновъ. Изъ каждыхъ 50 сдѣланныхъ вами столовъ—по крайней мѣрѣ 47 лишніе, а слѣдовательно, бесполезные и ненужные. Зачѣмъ же вы

потратили понапрасну столько труда, сдѣлали столько бесполезной работы?»...

Приблизительно таковъ былъ бы нашъ отвѣтъ столярамъ, и всѣ согласились бы съ нами въ томъ, что столяры сдѣлали бесполезную работу. Дѣйствительно, трудъ, затраченный на изготовленіе 47 столовъ для каждой семьи, бесполезенъ и, наоборотъ, тотъ трудъ, который пошелъ на производство трехъ столовъ для каждой семьи, есть полезный трудъ. Бесполезный трудъ не есть общественно-необходимый и потому мѣншей цѣнности не создаетъ.

Допустимъ, что на приготовленіе 50 столовъ нужно было 50 рабочихъ дней, т. е. для приготовленія одного стола нуженъ 1 день труда. Въ такомъ случаѣ при изготовленіи для каждой семьи 50 столовъ, т. е. при затратѣ 50 рабочихъ дней на семью, 47 дней, употребленные на 47 ненужныхъ столовъ, представляютъ бесполезный трудъ. Поэтому въ 50 столахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, заключается только три дня общественно-необходимаго труда и 47 бесполезнаго труда.

Такъ какъ только общественно-необходимый трудъ создаетъ цѣнность, то въ нашихъ 50 столахъ заключается только такое количество цѣнности, какъ если-бы сдѣлано было всего по три стола на семью. Пусть столяры сожгутъ 47 столовъ изъ каждыхъ 50—они получаютъ за остальные 3 стола всю ихъ цѣнность, а теперь, за 50 столовъ они получаютъ столько же, сколько и за три.

Если 50 столовъ стоятъ столько, сколько три стола, то сколько же будетъ стоить одинъ изъ этихъ 50 столовъ?

50 столовъ равняются тремъ днямъ работы, слѣдовательно, одинъ столъ равняется $\frac{3}{50}$ рабочего дня.

Значитъ, въ нашемъ примѣрѣ цѣнность каждаго обдѣльнаго стола зависитъ не только отъ общественно-необходимаго времени, которое было затрачено при наилучшихъ орудіяхъ труда и при средней ловкости и прилежаніи, но тутъ надо обратить вниманіе на то, дѣйствительно ли это рабочее время было употреблено на удовле-

твореніе необходимыхъ общественныхъ потребностей. Если не требовалось такого количества времени, какое затрачено, то получается непроизводительный трудъ, который не создаетъ никакой цѣнности.

То, что мы сказали о цѣнности товаровъ, можно отнести и къ цѣнности услугъ.

Цѣнность услуги также зависитъ отъ времени, необходимаго для ея исполненія. Нужно однако обратить вниманіе на то, что самое исполненіе извѣстной услуги можетъ длиться очень короткое время и не требовать большого усилія, но зато передъ этимъ надо затратить много труда, чтобы научиться оказывать такія услуги. Поэтому къ времени, потраченному на исполненіе извѣстной услуги, надо прибавить время, употребленное на подготовительную работу, на предшествовавшее обученіе. Это можно видѣть, между прочимъ, на примѣрѣ услугъ, оказываемыхъ врачомъ: визитъ врача длится короткое время, но ему полагается извѣстное вознагражденіе за время, которое онъ посвятилъ изученію медицины. Цѣнность услугъ врача можно вычислить слѣдующимъ образомъ: на изученіе медицины надо употребить лѣтъ 6, чтобы потомъ практиковать въ теченіе какихъ-нибудь 30 лѣтъ, поэтому къ каждымъ 5 годамъ практики надо прибавить по году обученія. Слѣдовательно, 5 лѣтъ медицинской работы представляютъ цѣнность 6 лѣтъ обыкновеннаго труда, соединеннаго съ рискомъ для жизни, обычнымъ въ дѣятельности врача.

Если бы у насъ, въ Европѣ, была только одна школа, въ которой преподавалась-бы медицина, то эта наука была бы соединена съ большими затрудненіями и большей потерей времени, чѣмъ теперь, поэтому и услуги врача должны были быть оплачиваемы дороже.

Впрочемъ, знаменитые врачи получаютъ за свои услуги больше чѣмъ слѣдуетъ; но здѣсь обнаруживается вліяніе *рѣдкости* предмета, которое нарушаетъ правильный ходъ экономической жизни.

IV.

Деньги и цѣна.

Мы уже знаемъ, отъ чего зависитъ цѣнность каждаго предмета. Обмѣнивая другъ на друга два полезныхъ предмета, напримѣръ, желѣзо и полотно, мы увидимъ, сколько фунтовъ желѣза придется дать въ обмѣнъ за 20 аршинъ полотна. Нужно будетъ предложить такое количество желѣза, въ которомъ столько же общественно-необходимаго труда, сколько требуетъ выдѣлка 20 аршинъ полотна.

Но то, что такъ понятно для насъ, что мы можемъ наблюдать при каждой мѣнѣ, не могло быть извѣстнымъ дикимъ племенамъ, которыя, встрѣчаясь случайно другъ съ другомъ, обмѣнивались излишкомъ своихъ произведеній. Здѣсь исключительно отъ случая зависило то, сколько штукъ скота дастъ одно племя въ обмѣнъ за простыя орудія, которыя оно хотѣло-бы получить. Количество зависѣло или отъ того, какому племени больше нужны произведенія другого племени, или отъ того, кто кого обманетъ и т. д.

Но по мѣрѣ того, какъ появились лучшія орудія и увеличивалось раздѣленіе труда между людьми, разныя племена начали производить различные предметы. Вслѣдствіе этого, каждое племя должно было въ обмѣнъ на свои произведенія пріобрѣтать много разнообразныхъ предметовъ отъ другихъ племенъ или отъ отдѣльныхъ лицъ. При частомъ повтореніи этого обмѣна количество каждаго предмета, даваемое въ обмѣнъ на опредѣленное количество другого, становилось величиной все болѣе постоянной и всѣмъ извѣстной. Напримѣръ, племя, которое занималось исключительно скотоводствомъ, часто должно было об-

мѣнивать скотъ на много другихъ предметовъ, которыхъ оно само не вырабатывало.

Положимъ, одинъ разъ оно обмѣняло одну голову скота на 10 усовершенствованныхъ луковъ; въ другой разъ 2 головы скота на мѣру пшеницы, наконецъ еще разъ на 5 паръ сандалій и т. д. Такимъ образомъ, это племя и тѣ лица, которыя сталкивались съ нимъ, привыкали, опредѣляя цѣнность какого-нибудь предмета, сравнивать его съ цѣнностью головы скота и производить слѣдующій расчетъ:

10 луковъ	стоитъ	столько,	сколько	1	голова	скота
1/2 мѣры пшен.	»	»	»	1	»	»
1 молодой рабъ	»	»	»	1	»	»
5 паръ сандалій	»	»	»	1	»	»

Здѣсь цѣнность всѣхъ полезныхъ предметовъ измѣняется цѣнностью одной головы скота.

Съ теченіемъ времени, когда и внутри каждаго племени стали выдѣляться разныя занятія, появились люди, которые, занимаясь исключительно портняжнымъ ремесломъ, сапожнымъ, столярнымъ и т. д., должны были для удовлетворенія своихъ разнообразныхъ потребностей обмѣнивать свои издѣлія на произведенія другихъ людей.

Въ то время портной долженъ былъ дѣлать такой расчетъ:

20 аршинъ полотна	равняются	1	сюртуку
10 фунтовъ чаю	»	1	»
1 шкапъ	»	1	»
2 четверика пшеницы	»	1	»

Такимъ образомъ для него сюртукъ былъ какъ бы деньгами, за которыя онъ все пріобрѣталъ. Въ свою очередь деньгами для сапожника были сапоги, для столяра шкапъ и т. д.

Конечно, ни одинъ изъ этихъ предметовъ не могъ выполнять всегда роли денегъ, потому что это повлекло бы за собой много неудобствъ; если, напримѣръ, за 10 фунтовъ чаю портной давалъ сюртукъ, то что ему нужно было дѣлать, если онъ хотѣлъ купить только одинъ фунтъ

чаю? Не могъ же онъ отрѣзать кусокъ сюртука, такъ какъ это не представляло-бы ни для кого никакой цѣнности! Кромѣ того, сюртукъ неудобно долго хранить, такъ какъ онъ можетъ легко испортиться и потерять значительную часть своей цѣнности. Тѣ-же самыя неудобства оказались бы и въ другихъ перечисленныхъ товарахъ, если бы ими захотѣли воспользоваться, какъ деньгами.

Деньгами могъ стать только такой товаръ, который можетъ дѣлиться на мелкія части, не теряя при этомъ своей цѣнности, и который можно долго хранить. Золото и есть именно такой товаръ, который имѣетъ всѣ эти свойства, и оно стало вездѣ предметомъ, къ которому приравниваются всѣ другіе товары, т. е. стало *товаромъ-деньгами*.

Сначала цѣна каждаго предмета опредѣлялось цѣнностью извѣстнаго количества золота. Говорили такъ: «Одинъ сюртукъ стоитъ два золотника золота, шкафъ стоитъ три золотника золота и т. д. Впослѣдствіи, чтобы золото всякій разъ не дѣлить на части и не вѣсить, а также чтобы избѣжать возможнаго при этомъ обмана, стали чеканить монету опредѣленнаго вѣса и качества. Такимъ образомъ, если сказать сюртукъ стоитъ десять рублей, это значитъ—въ немъ заключается именно такое количество человѣческаго труда, какое потрачено на добываніе и обработку золота, изъ котораго сдѣланъ десятирублевый имперіаль *).

Теперь, при существованіи товара золота, употребляемаго въ качествѣ денегъ, портной, у котораго есть ненужный ему сюртукъ, но который зато нуждается въ хлѣбѣ, сапогахъ, книгахъ и другихъ предметахъ, не долженъ уже искать такого булочника, сапожника и книгопродавца, которымъ понадобился бы его сюртукъ, чтобы

*) Если мы платимъ за товары не золотомъ, а бумажками, не имѣющими никакой цѣнности, то ихъ принимаютъ лишь потому, что казна по первому требованію выдаетъ за нихъ соотвѣтствующее количество золотыхъ или серебряныхъ монетъ.

взамѣнъ получить отъ нихъ нужные ему товары. Онъ ищетъ только человѣка, которому нуженъ сюртукъ, получаетъ отъ него столько денегъ, сколько стоитъ этотъ сюртукъ (мы уже знаемъ, какъ опредѣляется цѣнность предмета), и на полученныя деньги покупаетъ все, чего только хочетъ, платя за каждый товаръ по его цѣнности. Въ концѣ концовъ нашъ портной получитъ за свой сюртукъ 20 фунтовъ хлѣба, столъ, пару стульевъ, или книгу. Всѣ эти предметы вмѣстѣ стоятъ столько, сколько сюртукъ, т. е. на приготовленіе ихъ всѣхъ затрачено столько средняго человѣческаго труда, сколько его пошло на сюртукъ*).

Слѣдуетъ помнить, что мѣновая цѣнность предмета, если она выражается не въ обыкновенныхъ товарахъ, а въ деньгахъ, называется *цѣной* его. Такимъ образомъ, если портной за свой сюртукъ получить 10 рублей, то можно сказать, что 10 рублей цѣна сюртука.

*) Конечно, при опредѣленіи количества труда, заключающагося въ сюртукѣ, надо имѣть въ виду не только трудъ портного, но и крестьянина, который собралъ ленъ, трудъ ткачей, которые ткали ленъ и прибавить къ этому трудъ, заключенный въ орудіяхъ производства, трудъ при перевозкѣ льна къ ткачу, сукна къ портному и т. д.

У.

Капиталь.

Портной, продающій за 10 рублей сюртукъ и покупающій на эти деньги шкапъ, получаетъ въ концѣ концовъ предметъ, который имѣетъ такую же цѣнность, какъ и его сюртукъ, если, конечно, онъ настолько честенъ, что не хочетъ никого обмануть, и настолько ловокъ, что не позволить обмануть себя. Единственная выгода, которую получаетъ нашъ портной при продажѣ сюртука и покупкѣ шкапа, та, что онъ избавился отъ вещи ему ненужной (сюртукъ) и приобрѣлъ взаменъ ея полезный для себя товаръ (шкапъ). Онъ, конечно, вполне доволенъ, хотя, кромѣ этого, ничего не выигралъ.

Что бы, однако, сдѣлалъ нашъ портной, если бы ему не удалось найти покупателя на свой сюртукъ?

Столяръ не отдалъ бы за сюртукъ шкапа, а булочникъ—хлѣба, если бы этотъ сюртукъ не былъ имъ нуженъ. Они требовали бы уплаты за свой товаръ наличными деньгами, и портной, имѣющій 20 сюртуковъ, могъ бы умереть съ голоду. Теперь каждый можетъ очутиться въ такомъ же затруднительномъ положеніи, если у него нѣтъ спрятанныхъ про запасъ денегъ. Такимъ образомъ, для каждого человека является необходимымъ имѣть какъ можно болѣе денегъ, за которыя можно все приобрести. Эта потребность увеличивается съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ количество предметовъ, произведенныхъ не для собственнаго употребленія, а съ цѣлью обмѣна, потому что каждый все большее количество предметовъ приобретаетъ отъ другихъ за деньги.

Но откуда взять денегъ? Золото, какъ извѣстно, добывается рабочими въ рудникахъ. Но такъ какъ цѣлыя

горы золота не могутъ ни насытить голоднаго, ни согрѣть озябшаго, то рабочіе золотыхъ приисковъ должны обмѣнивать свое золото на различныя произведенія другихъ людей, напр., хлѣбъ, мясо, сюртукъ и т. д. Конечно, за каждый товаръ они даютъ столько золота, сколько его добыто въ то общественно-необходимое время, которое потрачено на производство покупаемаго товара. Такимъ образомъ, портной получаетъ отъ рудокопа золото за свой сюртукъ и за это золото покупаетъ хлѣбъ у булочника, столъ у столяра и т. д. Въ этомъ примѣрѣ портной самъ продаетъ свое издѣліе, тоже самое дѣлаетъ столяръ и булочникъ. Если бы всегда такъ происходило, если бы сами производители продавали свои издѣлія и только они получали за нихъ золото, то никто не могъ бы жить безъ работы. Мы знаемъ, однако, что на самомъ дѣлѣ бываетъ не такъ: есть много людей, которые живутъ очень роскошно и, однако, ничего не дѣлаютъ. Происходитъ это отъ того, что эти люди, доставши какимъ-нибудь образомъ деньги, нашли возможность постепенно увеличивать ихъ количество безъ всякаго труда съ своей стороны. Достигнуть этого можно прежде всего такимъ путемъ.

За деньги покупаются товары и затѣмъ продаются дороже—съ прибылью. Люди начинаютъ покупать товары не для того, чтобы удовлетворить свои потребности, а исключительно съ той цѣлью, чтобы при слѣдующей перепродажѣ выручить больше, чѣмъ они сами заплатили.

Портной и столяръ обмѣниваются товарами, имѣющими одинаковую мѣновую цѣнность. Купецъ же при продажѣ всегда получаетъ больше денегъ, чѣмъ онъ самъ заплатилъ за товаръ. Такимъ образомъ, купить для того, чтобы продать, это значитъ: отдать извѣстную сумму денегъ, чтобы потомъ получить большую, не увеличивая цѣнности товара какимъ-нибудь новымъ трудомъ.

Деньги, которыя сами собой увеличиваются, и составляютъ *капиталь*. Конечно при такомъ умноженіи денегъ никакой новой цѣнности не создается.

Чтобы проверить это на примере, допустимъ, что Петръ купилъ у Ивана на 100 руб. полотна и продалъ его Павлу за 110 рублей.

Передъ совершеиіемъ этой сделки у Петра было 100 рублей наличными деньгами, у Ивана было полотно цѣнностью въ 100 руб., а у Павла было 110 руб. наличными деньгами. У всѣхъ троихъ вмѣстѣ была цѣнность въ 310 руб. По окончаніи сделки у Петра окажется 110 руб., у Ивана 100 руб., а у Павла полотно, представляющее, конечно, какъ и прежде, цѣнность только въ 100 руб., потому что никакой новый трудъ въ это полотно не вложенъ. Такимъ образомъ, у всѣхъ троихъ будетъ цѣнность опять въ 310 руб. Вся разница заключается въ томъ, что цѣнность въ 10 рублей перешла изъ кармана Павла въ карманъ Петра. Это совершенно понятно, такъ какъ настоящая цѣнность создается только трудомъ. Въ нашемъ примере никакого труда не было (если не считать незначительныхъ усилій при отмириваніи и продажѣ нѣсколькихъ аршинъ полотна), а потому и цѣнность не могла увеличиться. Петру удалось заработать 10 рублей, переложивши ихъ изъ кармана Павла въ свой собственный, исключительно благодаря тому, что онъ свои деньги сдѣлалъ *торговымъ капиталомъ*.

Еще легче Петръ могъ бы увеличить свой капиталъ въ ущербъ Павлу, если бы одолжилъ ему 100 рублей, заключивши условіе, что по истеченіи извѣстнаго времени онъ вернетъ данную ему займы сумму съ уплатой 10 руб. процента. Въ этомъ примере Петръ для увеличенія своего капитала уже совсѣмъ не покупаетъ товара, чтобы потомъ продать его дороже, а просто беретъ у Павла часть принадлежащихъ ему денегъ, обращая такимъ образомъ свои 100 рублей въ *ростовщическій капиталъ*. Въ этихъ обоихъ случаяхъ ни капиталъ торговый, ни капиталъ ростовщическій не создаютъ никакой цѣнности, а только переносятъ имущество одного человѣка въ карманъ другого.

Капиталъ могъ бы создать новую цѣнность только

въ томъ случаѣ, если бы онъ нашелъ на рынкѣ и приобрѣлъ особаго рода товаръ, который бы заключалъ въ себѣ силу, производящую цѣнность и который бы отдалъ эту силу на пользу покупателя. Однако, какъ извѣстно, единственная сила, создающая цѣнность, это *рабочая сила* человѣка. Поэтому, если на рынкѣ рабочая сила человѣка продается, какъ товаръ, и будетъ куплена обладателемъ наличныхъ денегъ, то она будетъ работать въ его пользу и создастъ для него новыя цѣнности, превышающія, конечно, вознагражденіе за трудъ. Потому что иначе капиталисту не было бы разсчета нанимать рабочую силу. Только въ этомъ случаѣ капиталъ можетъ увеличиваться и получать вмѣсто каждаго ста рублей новую и уже настоящую цѣнность 110 рублей. Достигается это только тѣмъ, что капиталистъ нанимаетъ за извѣстную плату рабочую силу, заставляетъ ее работать у себя, а произведенный продуктъ продаетъ въ свою пользу.

При какихъ условіяхъ становится возможной такая покупка рабочей силы, и отъ чего зависитъ цѣна этого единственнаго въ своемъ родѣ товара — мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

VI.

Рабочая сила, какъ товаръ.

Предыдущія разсужденія показали намъ, что каждый предметъ можетъ стать товаромъ. Необходимымъ условіемъ въ этомъ случаѣ является то, чтобы собственникъ даннаго предмета имѣлъ право и возможность свободно распоряжаться той вещью, которую онъ хочетъ обмѣнять на орудія. Конечно, самый предметъ долженъ имѣть потребительную цѣнность, т. е. долженъ служить для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей, потому что въ противномъ случаѣ никто не захочетъ обмѣнять его на свой полезный предметъ. Кромѣ того, данный предметъ, какъ бы онъ ни былъ полезенъ, долженъ стать для его владѣльца излишнимъ и даже ненужнымъ, такъ какъ никто не будетъ обмѣнять такого предмета, безъ котораго онъ самъ бы не могъ обойтись.

Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ теперь рабочая сила, сама себя продающая на рынкѣ. Разсмотримъ тѣ историческія условія, благодаря которымъ рабочая сила стала товаромъ.

Пока существовало рабство, до тѣхъ поръ не могло быть и рѣчи о наймѣ рабочей силы. Въ то время человѣкъ продавался вмѣстѣ со своей рабочей силой, какъ продается скотъ, и послѣ продажи рабъ переходилъ въ полное распоряженіе покупателя. Такимъ образомъ, рабъ считался товаромъ, вещью, которую можно было обмѣнивать какъ всякую другую; однимъ словомъ—онъ былъ только орудіемъ, одареннымъ жизнью *). И во времена крѣпостничества рабочая сила еще не могла стать товаромъ; работникъ,

вынужденный работать на своего господина въ теченіе цѣлаго года, не имѣлъ права по своему желанію распоряжаться своей рабочей силой и требовать взаменъ ея вознагражденія, согласно общимъ законамъ обмѣна товаровъ, не могъ требовать болѣе высокаго вознагражденія при возрастающей дороговизнѣ. Съ этой точки зрѣнія крѣпостное право мало отличалось отъ рабства.

Только тогда, когда работникъ получилъ личную свободу и сталъ независимымъ отъ другихъ людей, онъ могъ воспользоваться своей рабочей силой лично для себя или уступить ее другому на опредѣленное время.

Мы знаемъ, однако, что предметъ можетъ стать товаромъ только въ томъ случаѣ, если онъ полезенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не нуженъ его владѣльцу. Поэтому рабочая сила, благодаря которой создаются всѣ средства къ жизни, только тогда становится товаромъ, когда она перестаетъ быть полезной владѣльцу, т. е. когда владѣлецъ этой рабочей силы не можетъ даже самъ воспользоваться ея полезностью. А человѣкъ только тогда можетъ воспользоваться своей рабочей силой, когда у него есть матеріалъ для ея примѣненія и орудія труда, съ помощью которыхъ онъ могъ бы изъ сырыхъ матеріаловъ дѣлать полезные предметы; кромѣ того въ продолженіе производства рабочей силой долженъ имѣть пищу, одежду, жилище и т. д. Если у владѣльца рабочей силы есть сырые матеріалы, орудія и все необходимое для существованія, онъ и не подумаетъ объ уступкѣ своей рабочей силы другому, такъ какъ самъ онъ, обладая всѣмъ этимъ, можетъ создать новыя потребительныя цѣнности.

Пока владѣлецъ рабочей силы одновременно владѣетъ и средствами производства, до тѣхъ поръ его рабочая сила не можетъ стать товаромъ. Только съ теченіемъ времени возникаютъ такія отношенія, благодаря которымъ рабочей силой создается единственная собственность, которой онъ обладаетъ, единственнымъ товаромъ, который онъ можетъ обмѣнять, чтобы получить взаменъ необходимыя средства

*) Такъ называлъ рабовъ греческій философъ Аристотель.

къ жизни, т. е. со своей рабочей силой, принужденъ итти на рынокъ и выставить ее на продажу, какъ всякій другой товаръ. Если этотъ свой товаръ рабочему не удастся обмѣнять на деньги, и если въ тоже время у него нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, то ему грозитъ голодъ, этотъ голодъ и заставляетъ его очень часто соглашаться на такія условія труда, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчїи съ личной свободой рабочаго.

При этомъ нужно помнить еще слѣдующее: прежній подмастерье могъ надѣяться, что по окончанїи срока, когда онъ выучился своему ремеслу, онъ легко соберетъ небольшой капиталецъ, нужный для покупки недорогого станка и нѣсколькихъ простыхъ орудїй, и тогда будетъ работать у себя дома и пользоваться своей рабочей силой исключительно для себя, не будучи вынужденнымъ уступать ее другимъ. Развѣ можетъ современный рабочїй даже мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться когда-нибудь владѣльцемъ фабрики, въ которой онъ работаетъ и для прїобрѣтенїя которой нужны десятки и сотни тысячъ рублей! Очевидно, что при существующихъ условїяхъ не только онъ, но и его дѣти останутся навсегда наемниками и будутъ вынуждены продавать свою рабочую силу. Болѣе того: даже тѣ, которые еще работаютъ теперь за собственный счетъ въ небольшихъ мастерскихъ, завтра принуждены будутъ выставить на продажу свою рабочую силу, такъ какъ, подъ давленїемъ усиливающейся конкуренціи со стороны фабрикъ, ремесла падаютъ и собственники мелкихъ мастерскихъ разоряются.

Итакъ, если рабочая сила стала товаромъ и, какъ всякій другой товаръ, можетъ продаваться, то передъ нами является прежде всего вопросъ, какъ велика цѣнность этого товара и по какой цѣнѣ рабочая сила будетъ продаваться на рынокѣ?

Мы знаемъ, что цѣнность каждаго товара зависитъ отъ количества общественно-необходимаго рабочаго времени, затраченнаго на его производство. Что же является необходимымъ для производства рабочей силы?

Отвѣтъ очень простъ. Чтобы рабочая сила ежедневно появлялась на рынокѣ, нужно чтобы живой человѣкъ, который ее носитъ въ себѣ и выставляетъ на продажу, былъ здоровъ и могъ взяться за работу. А только тотъ человѣкъ можетъ это сдѣлать, который потребляетъ достаточное количество пищи, которому есть гдѣ отдохнуть, во что одѣться, словомъ—человѣкъ, который удовлетворяетъ всѣ свои необходимыя потребности. Вотъ именно это количество необходимыхъ для жизни предметовъ, которые требуются для возстановленїя израсходованной рабочей силы и которое даетъ рабочему возможность дальше работать, опредѣляетъ мѣновую цѣнность самой рабочей силы. И если бы рабочїй за свой трудъ получалъ просто соотвѣтственное количество предметовъ, необходимыхъ для жизни, онъ получалъ бы именно столько, сколько ему нужно для того, чтобы прожить. Обыкновенно, однако, рабочїй получаетъ плату деньгами, на которыя покупаетъ необходимыя для него вещи. Та сумма денегъ, которую рабочїй получаетъ за свой трудъ, и является *денежной цѣной* рабочей силы; ее должно хватить на покупку всѣхъ необходимыхъ средствъ къ жизни.

Потребности человѣка чрезвычайно разнообразны, въ зависимости отъ климатическихъ особенностей и общественныхъ условїй данной страны. Въ жаркихъ странахъ человѣкъ довольствуется меньшимъ количествомъ одежды и пищи, а также болѣе простымъ жилищемъ. Поэтому заработная плата тамъ меньше. Наоборотъ, въ болѣе холодныхъ странахъ для поддержанїя въ человѣкѣ его рабочей силы нужна болѣе теплая одежда, болѣе обильная пища и, кромѣ того, отопленїе. Поэтому цѣна рабочей силы тамъ по необходимости больше, потому что человѣкъ не могъ бы жить здѣсь, если бы его заработной платы хватало только на такую пищу и одежду, какая достаточна для жителя болѣе теплыхъ странъ.

Но кромѣ этихъ природныхъ условїй, вліяющихъ на величину заработной платы, количество и качество средствъ

къ жизни, необходимыхъ для содержанія рабочаго, а, слѣдовательно, и цѣна рабочей силы зависитъ главнымъ образомъ отъ привычекъ рабочаго класса въ государствѣ, отъ степени его образованія и развитія.

Лапти изъ лыка, напр., предохраняютъ ноги не хуже, чѣмъ кожаная обувь, которой раньше рабочіе и совсѣмъ не употребляли. Теперь же сапоги стали однимъ изъ предметовъ обще-необходимыхъ для жизни, и рабочій не согласится продавать свою рабочую силу за такую цѣну, которая лишила бы его возможности носить сапоги. Во Франціи рабочій долженъ ежедневно имѣть мясо и читать свою газету. Поэтому то онъ требуетъ такой платы, которая позволяла бы ему это дѣлать.

Но, даже удовлетворяя всѣмъ потребностямъ своего организма, рабочій съ теченіемъ времени старѣется, постепенно теряетъ свою рабочую силу и, наконецъ, умираетъ. вмѣсто этой умершей рабочей силы, на рынкѣ должна появиться другая, свѣжая и молодая. Этотъ постоянный притокъ рабочей силы на рынкѣ достигается благодаря увеличенію народонаселенія. Старое поколѣніе рабочихъ, умирая, оставляетъ въ лицѣ своихъ потомковъ новыхъ обладателей и новыхъ продавцевъ рабочей силы. Поэтому количество жизненныхъ средствъ, нужное для ежедневнаго возстановленія рабочей силы, должно хватить еще на воспитаніе дѣтей въ теченіе первыхъ лѣтъ жизни, пока они не начнутъ сами работать на себя *).

Рабочая сила, которая вслѣдствіе продажи переходитъ во временное пользованіе покупателя, не можетъ быть от-

*) Отсюда мы видимъ, что если бы дѣтскій трудъ былъ запрещенъ и дѣти начинали работать въ болѣе позднемъ возрастѣ, то заработокъ рабочей семьи не уменьшался бы, такъ какъ тогда взрослые рабочіе должны были бы получать такую плату, которой хватило бы и на воспитаніе дѣтей. Конечно, отъ этого выиграло бы все общество, потому что дѣти рабочихъ получили бы возможность учиться въ школахъ и вполне развивать свои силы. Рабочій классъ выигралъ бы и въ томъ отношеніи, что мѣста, занятые раньше дѣтьми, освободились бы, большее количество взрослыхъ рабочихъ нашло себѣ занятіе, и конкуренція, ведущая къ пониженію платы, уменьшилась бы.

дѣлена отъ личности самаго рабочаго; наоборотъ, она находится въ самомъ существѣ рабочаго, въ его мышцахъ, жилахъ, нервахъ и мозгѣ. слѣдовательно, продажа рабочей силы есть нѣкоторымъ образомъ временная продажа самаго человѣка. Покупатель рабочей силы, если хочетъ извлечь изъ нея пользу, долженъ имѣть власть надъ личностью рабочаго, чтобы быть въ состояніи указать ему, въ какомъ направленіи и какимъ образомъ онъ долженъ при-мѣнить свою рабочую силу, отданную на нѣкоторое время въ распоряженіе капиталиста. Съ этою то цѣлью въ расчетныхъ книжкахъ на первомъ планѣ стоитъ напоминаніе о «безусловномъ повиновеніи» своему работодателю *).

Нанятый рабочій расходуетъ свою рабочую силу секунда за секундой; извѣстная часть его рабочей силы переходитъ въ собственность капиталиста ежеминутно, и только по окончаніи работы, когда израсходована вся рабочая сила, капиталистъ становится полнымъ господиномъ всѣхъ продуктовъ, которые произвела купленная имъ рабочая сила; рабочій же, отдавшій проданную рабочую силу, опять становится свободной личностью, съ которой капиталистъ можетъ вновь заключать условіе, давая деньги и покупая ея способность къ труду.

Поэтому вполне справедливо можно сказать, что рабочій во все время работы отдаетъ покупателю единственный свой товаръ—рабочую силу—по частямъ; покупатель такимъ же образомъ, т. е. постепенно, становится владѣльцемъ купленнаго товара—рабочей силы, за которую платитъ лишь по окончаніи работы (выдача денегъ впередъ—явленіе исключительное). Между тѣмъ рабочій почти всегда отдаетъ капиталисту впередъ свою рабочую силу, такъ какъ послѣ каждаго часа труда хозяинъ становится собственникомъ части купленнаго имъ товара—рабочей силы, а рабочій не получаетъ еще платы, которая причитается ему за отданную въ теченіе этого времени частицу рабочей силы.

*) Святловскій. Фабричный рабочій. Варшава 1899, ст. 32.

Если, согласно договору между рабочими и работодателем, сроки уплаты довольно продолжительны, то совершенно ясно, что кредитъ, оказываемый рабочими капиталисту, становится еще большимъ. Если, напр., на ткацкой фабрикѣ въ каждый часъ выдѣлывается и отсылается въ магазины тысяча аршинъ полотна, а рабочимъ выплачивается ихъ вознагражденіе только недѣлю спустя, то ясно, что въ теченіе этого промежутка времени рабочіе отдають капиталисту свою рабочую силу въ кредитъ.

Все это кажется на первый взглядъ маловажнымъ, однако, на самомъ дѣлѣ влечетъ за собой серьезныя послѣдствія и для работодателей и для рабочихъ.

Работодатель почти никогда не держитъ денегъ, нужныхъ для уплаты рабочимъ, у себя въ кассѣ; онъ помещаетъ ихъ обыкновенно въ банкъ за извѣстный процентъ. Такимъ образомъ, если бы работодатель былъ обязанъ выплачивать рабочимъ заработанную плату каждый вечеръ, т. е. непосредственно послѣ израсходованія извѣстной части купленной имъ рабочей силы, то въ такомъ случаѣ онъ лишился бы процентовъ за всѣ тѣ дни, въ теченіе которыхъ онъ пользовался кредитомъ, оказаннымъ ему рабочими. Правда, если рабочая плата въ день составляетъ 50 копеекъ, а процентъ 5 рублей со ста въ годъ, то работодатель въ недѣлю получить съ каждаго рабочаго едва лишь $\frac{1}{3}$ копейки, но если это продолжится цѣлый годъ, и у нанимателя будетъ много рабочихъ, то изъ этихъ мелкихъ суммъ составитъ очень значительная, потому что каждый рабочій даетъ ему ежегодно 15 коп.

Можно было бы возразить на это, что рабочіе не теряютъ этой суммы денегъ, потому что они не могутъ отдавать въ ростъ свой ежедневный заработокъ.

Однако, вслѣдствіе того, что они даютъ въ кредитъ свой трудъ, они терпятъ ущербъ, который больше, чѣмъ прибыль, получаемая работодателемъ отъ процентовъ, потому что рабочій долженъ ежедневно покупать необходимые для жизни продукты.

Не имѣя возможности за все платить наличными деньгами, рабочій беретъ въ кредитъ и попадаетъ такимъ образомъ въ руки мелкихъ лавочниковъ-ростовщиковъ, которые, давая ему въ кредитъ, отпускаютъ плохой товаръ, обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ его, а, кромѣ того, берутъ очень высокія цѣны. Г. Святловскій (фабричный инспекторъ варшавскаго округа) много говоритъ о вредѣ для рабочихъ такихъ продолжительныхъ сроковъ платежей и, вполне справедливо, требуетъ введенія короткихъ сроковъ уплаты *).

*) Фабричный рабочій. Стр. 37.

VII.

О прибавочной цѣнности.

Посмотримъ, какое употребленіе дѣлаетъ капиталистъ изъ купленной имъ рабочей силы. Какимъ образомъ онъ извлекаетъ выгоду изъ употребленія или, какъ говорятъ экономисты, потребленія этого особаго вида товара?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ рассмотримъ подробнѣе, какъ происходитъ выдѣлка или производство товаровъ.

Если кто-нибудь хочетъ работать, онъ прежде всего долженъ обладать матеріаломъ, къ которому можетъ быть приложенъ его трудъ: у земледѣльца должна быть земля, у рудокопа—рудникъ, у кузнеца—желѣзо. Всѣ сырые матеріалы, какъ напримѣръ: зерно, руда, шерсть являются произведеніями природы; самъ человѣкъ не можетъ создать никакого новаго матеріала, онъ можетъ только придать иную форму уже существующему. Такимъ образомъ, земля, воздухъ и вода составляютъ какъ бы одинъ огромный магазинъ, изъ котораго люди берутъ матеріалъ для труда. Человѣкъ беретъ матеріалъ изъ этого магазина, нарушаетъ его естественную связь съ землей и перерабатываетъ такъ, чтобы придать ему соотвѣтствующую полезную форму. Каждый предметъ, который, благодаря человѣческимъ усиліямъ, оторванъ отъ земли, но остался еще не переработаннымъ, какъ напримѣръ: *выкопанный* каменный уголь, *срубленное* дерево и т. п., называется *сырымъ матеріаломъ* (сырьемъ).

Недостаточно, чтобы рабочій имѣлъ сырой матеріалъ; для приложенія своей рабочей силы ему необходимы еще другіе предметы, которые составляютъ какъ бы продолженіе его руки, напр., весло, или увеличивали-бы силу его кулака,

напр., молотъ и т. п. Такія вспомогательныя средства, какъ весло и молотъ, называются *орудіями труда*. Камень, который употребляетъ дикарь, чтобы разбить кокосовый орѣхъ, такое же орудіе труда, какъ и самая совершенная машина.

Сырой матеріалъ, орудія труда и рабочая сила человека это три главные фактора (дѣятеля), при совмѣстной дѣятельности которыхъ возникаетъ новый, годный для употребленія продуктъ (такъ называемый *фабрикатъ*). Зная эти три фактора, можно опредѣлить, какое вліяніе каждый изъ нихъ оказываетъ на мѣновую цѣнность вновь появляющагося продукта, т. е. товара.

Всякій сырой матеріалъ, благодаря труду, измѣняетъ свой видъ. Такъ, напр., желѣзо, посредствомъ плющенія, обращается въ листовое желѣзо. При этомъ сырой матеріалъ можетъ быть или цѣликомъ превращенъ въ новый продуктъ, напр., желѣзо въ листовое желѣзо, или цѣликомъ расходуется и исчезаетъ, напр., уголь, необходимый для расплавленія желѣзной руды, или же только часть сырого матеріала переходитъ въ новый продуктъ, другая же часть остается совершенно безъ употребленія, напр., пакля у прядильщика.

Цѣнность сырого матеріала зависитъ отъ количества общественно-необходимаго труда, потраченнаго на производство или добываніе этого сырого матеріала. Эта цѣнность, безъ увеличенія и уменьшенія, переходитъ въ цѣнность готоваго продукта, который явился, какъ результатъ труда. Если портной шьетъ изъ сукна сюртукъ, то цѣнность сукна цѣликомъ переходитъ въ цѣнность сюртука; такимъ образомъ цѣнность употребленнаго матеріала будетъ заключаться въ цѣнности полученнаго продукта. Ни одна лишняя частица цѣнности не переходитъ въ продуктъ; продукту передается лишь та цѣнность, которая заключалась въ матеріалѣ. Только приложенный трудъ прибавляетъ *новую цѣнность* къ старой, уже заключающейся въ сыромъ матеріалѣ.

Орудія производства, инструменты и машины, вслѣдствіе пользованія ими, постепенно подвергаются изнашиванію. Напильникъ, которымъ слесарь пользуется для работы, становится тупымъ и негоднымъ къ употребленію; телѣга, на которой возили уголь, какъ каждый другой предметъ, съ теченіемъ времени становится негодной къ употребленію и т. д. Однако, въ большинствѣ случаевъ, орудій труда хватаетъ для производства значительнаго количества товаровъ; слесарь съ помощью одного напильника можетъ выпилить массу ключей; извозчикъ на своей телѣгѣ можетъ перевезти значительное количество угля. Такимъ образомъ, если цѣнность употребленнаго сырого матеріала цѣликомъ переходитъ въ цѣнность готоваго продукта, то орудія труда передаютъ продукту только часть своей цѣнности, именно ту, которую они потеряли вслѣдствіе этого труда. Если, напримѣръ, одного напильника хватаетъ на выпиливаніе 100 ключей, то въ каждомъ изъ нихъ заключается сотая часть цѣнности напильника.

Отсюда мы видимъ, что орудія труда, такъ же какъ и сырой матеріалъ, не создаютъ ни малѣйшей частицы новой цѣнности, хотя на первый взглядъ казалось бы, что болѣе усовершенствованныя машины, замѣняя человѣческой трудъ, должны вліять на созданіе новой цѣнности. Но мы уже знаемъ, что цѣнность возникаетъ только изъ человѣческаго труда. Только вслѣдствіе этого труда, вслѣдствіе общественно-необходимаго труда человѣческаго, къ той цѣнности, которая содержится въ сыромъ матеріалѣ, и которая перешла къ новому продукту съ орудій труда, прибавляется новая цѣнность.

Если, напримѣръ, цѣнность сырого матеріала представляетъ 10 часовъ общественно-необходимаго человеческого труда, если затѣмъ цѣнность износившейся части орудій будетъ соответствовать 3 часамъ труда, на производство же новаго продукта изъ этого сырого матеріала при помощи этихъ орудій труда нужно было употребить 7 часовъ, то въ такомъ случаѣ вновь произведенный продуктъ

будетъ обладать цѣнностью въ $10+3+7=20$ часовъ общественно-необходимаго труда.

Представимъ это еще яснѣе. Допустимъ, напримѣръ, что одинъ часъ общественно-необходимаго труда представляетъ цѣнность 10 копеекъ. Четверо рабочихъ берутся вмѣстѣ вывести стѣну. Они покупаютъ глину для приготовления 1000 кирпичей и платятъ за нее 50 коп., капиталистъ даетъ имъ кирпичный заводъ: сарай, тачки, формы и другія принадлежности, за пользованіе которыми рабочие платятъ 60 коп. съ 1000 кирпичей; для обжиганія же кирпичей надо 24 часа труда, или, считая за часъ по 10 коп.—2 р. 40 коп. Такимъ образомъ, цѣнность 1000 обожженныхъ кирпичей будетъ равна 4 р. 10 коп.

Рабочіе заплатили впередъ за цѣнность сырого матеріала и за пользованіе орудіями труда; но эту оплаченную цѣнность они опять найдутъ въ готовомъ продуктѣ, въ кирпичѣ. Къ этой цѣнности они присоединили новую цѣнность, цѣнность своего труда (2 руб. 40 коп.).

Это имѣетъ мѣсто при производствѣ всякаго предмета. Въ новомъ продуктѣ всегда заключается, кромѣ цѣнности сырого матеріала и цѣнности изношенныхъ орудій, еще цѣнность труда, затраченнаго при производствѣ новаго товара. Законъ этотъ нисколько не измѣняется отъ того, работаютъ ли рабочіе для самихъ себя, или же въ пользу предпринимателя. Если бы рабочіе работали сами для себя, въ такомъ случаѣ при продажѣ кирпича они получили бы за каждый часъ труда по 10 коп. Если въ то же время мы предположимъ, что за 60 коп. рабочей можетъ приобрести столько необходимыхъ предметовъ, сколько, при обычныхъ условіяхъ, ему нужно для поддержанія его жизни и жизни его семьи, то цѣнность его ежедневной рабочей силы составляла бы 60 коп., и этой цѣнности соответствовало бы 6 часовъ труда. Если же рабочіе работали бы только по 6 часовъ, то они произвели бы въ теченіе дня лишь столько новой цѣнности, сколько нужно на ихъ содержаніе. Если бы однако они работали двойное число

часовъ, въ такомъ случаѣ вновь произведенная цѣнность была бы вдвое больше и точно такъ же принадлежала бы рабочимъ, какъ и самъ продуктъ труда—кирпичи.

Въ этомъ случаѣ, когда рабочіе отдають свою рабочую силу предпринимателю, вся работа происходитъ такимъ же точно образомъ, но по окончаніи ея имѣетъ мѣсто совсѣмъ иной расчетъ:

Допустимъ, напримѣръ, что предприниматель самъ для себя приобретаетъ уголь, глину и приспособленія, нужныя для производства кирпича, и платитъ за это столько, сколько раньше платили рабочіе, у рабочихъ же покупаетъ рабочую силу и платитъ имъ по 60 коп. въ день. Если бы они работали только по 6 часовъ въ день, то предприниматель, подводя итоги, пришелъ бы къ такому выводу:

За глину заплачено	50 к.
За уголь	60 к.
За пользованіе орудіями	60 к.
Заработная плата 4-мъ рабочимъ по 60 к.	2 р. 40 к.
<u>Всего</u>	<u>4 р. 10 к.</u>

За эти деньги онъ получилъ бы 1000 кирпичей, имѣющихъ, какъ мы видѣли, цѣнность (4 р. 10 к.), которая вполне соответствуетъ употребленному имъ капиталу, т. е. предприниматель не потерялъ и не заработалъ ни одной копейки; конечно, онъ могъ бы получить прибыль, торгуя этимъ кирпичемъ, но у него нѣтъ намѣренія сдѣлаться купцомъ. Если бы онъ имѣлъ это въ виду, то ему не надо было бы самому производить кирпичи, а онъ просто занялся бы скупкой уже готоваго товара. Настоящей цѣлью предпринимателя было съ помощью покупки рабочей силы получить прибавочную цѣнность на цѣнность, затраченную впередъ, т. е. на употребленный въ дѣло капиталъ, но въ данномъ случаѣ предприниматель за свой товаръ получилъ лишь столько, сколько издержалъ самъ.

Однако предприниматель знаетъ, что ему дѣлать въ такихъ случаяхъ: «ваша дневная рабочая сила,—говорить

онъ, обращаясь къ работникамъ,—куплена мною у васъ цѣликомъ, поэтому пользованіе ею, какъ вы сами согласились, принадлежитъ исключительно мнѣ. Если я покупаю, напримѣръ, лимонъ, то его потребительная цѣнность, т. е. его сокъ, также принадлежитъ мнѣ; я имѣю полное право выжать сокъ изъ лимона до послѣдней капли. Ваша дневная рабочая сила не вся исчерпана шестью часами труда, вы можете работать дольше, и я требую отъ васъ 12 часовъ труда».

Противъ этого нечего возражать. Рабочіе начинаютъ работать по 12 часовъ въ сутки. Конечно, при двойной производительности труда, они производятъ вдвое большее количество кирпича (2000), издерживая при этомъ и двойное количество матеріала. Теперь выходитъ такой расчетъ: Предприниматель платитъ:

За глину	1 руб.	(вдвое больше, чѣмъ прежде)
За уголь	1 р. 20 к.	
За орудія труда 1 р. 20 к.		
4-мъ рабочимъ		
(въ день 60 к.) 2 р. 40 к.		(столько, сколько и прежде)
<u>Всего</u>	<u>5 р. 80 к.</u>	

Столько денегъ издержалъ капиталистъ и получилъ 2000 кирпича. Каждая тысяча кирпича, какъ мы видѣли изъ предыдущаго расчета, представляетъ цѣнность въ 4 р. 10 к., за 2 тысячи онъ получить 8 р. 20 к., т. е. на 2 р. 40 к. больше, чѣмъ онъ издержалъ. Эти 2 р. 40 к. и представляютъ *прибавочную цѣнность* (прибыль капиталиста). Она равняется именно тому количеству новой цѣнности, которое произвели рабочіе, вынужденные работать болѣе 6 часовъ: 4 работника работали по 6 прибавочныхъ часовъ ежедневно, т. е. всего 24 часа, что собственно и составляетъ нашу прибавочную цѣнность—2 руб. 40 коп.

Торговый капиталъ только тогда можетъ дать прибавочную цѣнность собственнику, если этотъ послѣдній по

кушаетъ товаръ дешевле или продаетъ дороже, чѣмъ онъ стоитъ. Ростовщическій капиталъ совершенно не имѣетъ отношенія къ товарамъ. Только современный капиталъ, капиталъ промышленный, можетъ платить за товаръ всю его цѣнность, продавать товаръ по полной его цѣнности и въ то же время создавать для себя прибавочную цѣнность.

А это возможно только тогда, когда рабочіе вынуждены продавать свою рабочую силу, получая только часть цѣнности.

VIII.

Ростъ капитала.

Мы видѣли, какимъ образомъ капиталистъ получаетъ прибавочную цѣнность: онъ покупаетъ по рыночной цѣнѣ рабочую силу, заставляетъ ее работать съ помощью купленныхъ орудій надъ сырымъ матеріаломъ и продаетъ произведенные такимъ образомъ товары, не только возвращая затраченные деньги, но получая еще прибавочную цѣнность.

Часть полученной прибавочной цѣнности предприниматель расходуетъ на собственныя потребности, а остальное прибавляетъ къ капиталу. Теперь капиталъ его будетъ больше чѣмъ раньше, и капиталистъ можетъ купить больше рабочей силы, а такъ какъ каждый рабочій доставляетъ извѣстную прибыль, то и барыши предпринимателя увеличатся. Большіе доходы опять даютъ возможность увеличить капиталъ и купить еще больше рабочей силы и т. д. Поэтому отъ роста капитала зависитъ ростъ и благосостояніе рабочаго класса. Въ этомъ отношеніи интересы капиталиста и рабочихъ совпадаютъ: рабочій гибнетъ, если капиталистъ не даетъ ему заработка; капиталъ же пропадаетъ даромъ, если не покупаетъ рабочей силы. Поэтому чѣмъ больше возрастаетъ производительный капиталъ, чѣмъ болѣе развита промышленность, тѣмъ нужнѣе рабочій, тѣмъ дороже будетъ онъ продавать свою рабочую силу. Другими словами, необходимымъ условіемъ хотя бы сноснаго существованія рабочихъ является возможно быстрый ростъ промышленнаго капитала.

Но съ другой стороны ростъ капитала указываетъ на возрастаніе могущества капиталистовъ и расширеніе ихъ вліянія на все большее количество наемныхъ рабочихъ.

Представимъ себѣ наиболѣе благоприятный случай,

именно, когда вмѣстѣ съ ростомъ капитала возрастаетъ спросъ на трудъ, а, слѣдовательно, и цѣна труда—заработная плата.

Маленькій домикъ будетъ вполне удовлетворять потребности собственника, пока окружающія его избы также не велики. Но пусть неподалеку вырастетъ два — три большихъ дома, и нашъ домикъ покажется какой-то хижинкой и будетъ служить доказательствомъ того, что его хозяинъ бѣднякъ сравнительно съ собственникомъ большого дома. Если бы даже съ теченіемъ времени маленькій домикъ сталъ вдвое больше, но если бы вмѣстѣ съ тѣмъ сосѣдній большой домъ тоже былъ увеличенъ, то обитателю домика будетъ казаться въ немъ тѣсно и тяжело.

Всякое сколько-нибудь значительное увеличеніе заработной платы заставляетъ предположить еще большее возрастаніе капитала, быстрый же ростъ капитала ведетъ за собой громадное увеличеніе богатствъ, роскоши, потребностей и развлеченій. И потому хотя для рабочихъ нѣсколько увеличились удобства жизни, но еще больше выросли его потребности, которыхъ онъ удовлетворить не можетъ. Значитъ онъ, какъ и собственникъ нашего домика, чувствуетъ себя несчастнѣе, чѣмъ прежде.

Заработную плату нужно оцѣнивать относительно—сравнивая ее съ доходами капиталиста, однимъ словомъ, нужно говорить объ *относительной* заработной платѣ.

Допустимъ, напримѣръ, что цѣна всѣхъ необходимыхъ средствъ къ жизни упала на $\frac{2}{3}$ (фунтъ хлѣба, стоившій 3 копейки, будетъ стоить 1 коп.), тогда какъ заработная плата понизилась только на $\frac{1}{3}$ (съ 60 коп. до 40 коп.). Хотя рабочій за 40 коп. купитъ теперь больше товаровъ, чѣмъ прежде за 60 коп. (прежде за 60 коп. онъ получалъ только 20 фунтовъ хлѣба, тогда какъ теперь получаетъ 40 фунтовъ за свои 40 коп.), однако его заработная плата сравнительно съ доходами капиталистовъ понизилась, потому что за меньшую сумму денегъ онъ отдаетъ капиталисту такое же, какъ и прежде, количество труда. Капи-

талистъ при томъ же самомъ капиталѣ, какой былъ у него раньше, можетъ купить большее количество труда. Такимъ образомъ мы видимъ, что заработная плата и прибыль находятся въ обратномъ другъ къ другу отношеніи: прибыль повышается въ такой же степени, въ какой падаетъ плата и на оборотъ.

До сихъ поръ мы предполагали, что промышленный капиталъ по мѣрѣ своего роста даетъ работу все большему числу рабочихъ и способствуетъ повышенію заработной платы. Но всегда ли это бываетъ? Присмотрѣвшись внимательнѣе, мы должны будемъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно.

Въ самомъ дѣлѣ, съ ростомъ капитала, число и богатство капиталистовъ увеличивается. Увеличеніе числа капиталистовъ и предприятий вызываетъ конкуренцію между капиталистами, и каждый старается побѣдить другого дешевизной своихъ продуктовъ. Но чтобы имѣть возможность дешевле продавать безъ убытка, капиталистъ долженъ дешевле производить, т. е. насколько возможно увеличить производительность труда рабочихъ. Производительность же труда увеличивается прежде всего вслѣдствіе введенія большаго раздѣленія труда, примѣненія новыхъ машинъ и усовершенствованія старыхъ. Допустимъ теперь, что, вслѣдствіе такихъ перемѣнъ и усовершенствованій, капиталистъ получаетъ возможность произвести, при томъ же самомъ количествѣ труда, гораздо большее количество товаровъ, нежели его конкуренты, напримѣръ, онъ можетъ выткать цѣлый аршинъ полотна въ теченіе того же самаго рабочаго времени, которое нужно его конкуренту, чтобы выработать полъ-аршина. Тогда онъ могъ бы продавать аршинъ полотна по прежней цѣнѣ и получать большій доходъ. Но его усовершенствованныя машины и расширенная фабрика производятъ гораздо больше полотна, чѣмъ прежде. Онъ долженъ найти новый рынокъ для сбыта своихъ товаровъ; но новыхъ покупателей онъ можетъ найти только въ томъ случаѣ, если станетъ про-

давать полотно дешевле, чѣмъ его конкуренты. Конечно, онъ не будетъ продавать аршинъ полотна за ту же цѣну, за какую раньше продавалъ полъ-аршина, потому что тогда улучшения, введенныя имъ, не приносили бы ему никакой пользы, такъ какъ въ общемъ онъ зарабатывалъ бы столько же, сколько и раньше, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы вынужденъ искать покупателей на двойное количество полотна, которое теперь производитъ на своей фабрикѣ. Съ другой стороны, такое пониженіе цѣны не является для него необходимымъ. Достаточно, если онъ продаетъ свое полотно хоть на полъ-копѣйки дешевле, чѣмъ другіе фабриканты—и тогда онъ уже найдетъ достаточно покупателей и отвлечетъ ихъ отъ своихъ конкурентовъ.

Однако такое выгодное положеніе нашего капиталиста не будетъ продолжительно: конкурирующіе съ нимъ капиталисты вскорѣ введутъ тѣ же самыя машины улучшения, въ такихъ же или еще большихъ размѣрахъ, и тоже начнутъ дешевле производить товары. Чтобы опять привлечь къ себѣ утраченныхъ покупателей, капиталисты должны продавать товаръ еще дешевле, чѣмъ ихъ конкурентъ, и, въ концѣ концовъ, цѣна полотна падаетъ все ниже, до уровня издержекъ производства.

Капиталисты теперь очутятся въ такомъ положеніи, въ какомъ были до введенія новыхъ машинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они вынуждены производить двойное количество полотна и найти на него покупателей. Значитъ опять каждый изъ нихъ долженъ стараться вводить какія нибудь новыя усовершенствованія, чтобы имѣть возможность продавать дешевле другихъ и такимъ образомъ привлекать къ себѣ покупателей. Если это удастся капиталисту, то такой успѣхъ его будетъ непродолжителенъ, потому, что его конкуренты немедленно послѣдуютъ его примѣру, и опять повторится прежняя исторія.

Если бы капиталистъ воспользовался въ этой борьбѣ наиболѣе усовершенствованными машинами, то конкуренція очень скоро сдѣлала бы ихъ общепотребительными, и

конечнымъ слѣдствіемъ усовершенствованія производства будетъ только то, что теперь за *ту же самую цѣну* капиталистъ доставитъ въ 10, 20, 100 разъ больше товаровъ, чѣмъ прежде и, кромѣ того, долженъ будетъ искать покупателей на продуктъ, количество котораго стало въ 10, 20, 100 разъ больше. Значитъ капиталистъ, не смотря на свои усилія, не достигъ ничего, кромѣ обязанности доставить большее количество продукта въ теченіе того же времени. Однимъ словомъ, капиталистъ создалъ болѣе трудныя условія для увеличенія своего капитала и принужденъ вводить все новыя усовершенствованія, все большее раздѣленіе труда.

Какое же вліяніе оказываютъ эти условія на заработную плату?

Большее раздѣленіе труда и лучшія орудія даютъ возможность *одному* рабочему выполнить такую работу, какую прежде выполняли 5, 10, 20 рабочихъ. Тамъ, на примѣръ, гдѣ прежде нужно было 1000 рабочихъ, теперь достаточно какой-нибудь сотни, а 900 очутятся на улицѣ—и своей конкуренціей будутъ понижать заработную плату тѣхъ, у кого есть работа.

Замѣтимъ, съ увеличеніемъ раздѣленія труда, трудъ дѣлается болѣе простымъ. Отъ рабочаго уже не требуется особой подготовки и ловкости, а обыкновенная рабочая сила. Трудъ становится доступенъ каждому; со всѣхъ сторонъ являются конкуренты и подъ давленіемъ голода и нужды вызываютъ все большее пониженіе платы. Это пониженіе усиливается еще вслѣдствіе конкуренціи женщинъ и дѣтей, для которыхъ тоже стала доступна работа при машинѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что чѣмъ болѣе возрастаетъ промышленный капиталъ, тѣмъ болѣе развиваются раздѣленіе труда и примѣненіе машинъ. А чѣмъ болѣе развиваются раздѣленіе труда и примѣненіе машинъ, тѣмъ сильнѣе растетъ конкуренція между рабочими, тѣмъ болѣе понижается плата за трудъ.